
Часть II

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА, НЕ СТАВШАЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Глава 5

МИРОВАЯ ВОЙНА. КОМАНДИР СТАЛЬНОЙ СУВОРОВСКОЙ ДИВИЗИИ. КАРПАТЫ

На фронт Лавр Георгиевич Корнилов прибыл в августе 1914 года и сразу же вступил во временное командование 48-пехотной дивизией. Во время одного из первых встречных сражений начала войны у Равы Русской и Городка 4-й австро-венгерский корпус нанес сильный удар у Комарно по русскому 24-му армейскому корпусу, в состав которого входила корниловская дивизия. В том бою она потеряла почти всю ар-

тиллерийскую бригаду (более 20 полевых орудий) и много людей погибшими и пленными.

Однако это поражение не бросило тень на генерала Корнилова (прямыми виновниками неудачи были иные лица), поскольку в самых сложных ситуациях дня 29 августа он продемонстрировал личную храбрость. Но в то же время некоторые начальники стали говорить, что этому дивизионному генералу «искусство маневра было неведомо, он умел только рваться вперед, очертя голову».

Перед этим дивизия прошла первое испытание на прочность. Зацепившись за городок Николаев, 24-й корпус своим правым крылом выдвинулся вперед и был охвачен австрийскими войсками. Их атаки следовали одна за другой. Назревал прорыв на участке 48-й дивизии. Вот в той опаснейшей ситуации и удалось Лавру Георгиевичу продемонстрировать «примерные» для других личные командирские качества.

Неприятель сконцентрировал свои наступательные усилия против корниловской дивизии с пока не пугающим их названием «Стальной». В критический эпизод боя генерал лично повел в контратаку — в штыковую рукопашную схватку — свой последний дивизионный резерв силой в один пехотный батальон. Поступок был «суворовский». Австрийцы на какое-то время оказались отброшенными прочь. Однако уже вскоре они вновь проявили настойчивость и обошли четыре русских полка. Теперь Корнилову пришлось их немедленно отводить назад, чтобы не оказаться в полном окружении.

В тех боях Корнилову и его подчиненным пришлось «вплотную» познакомиться с мощностью огня тяжелой немецкой артиллерии. Германцы стреляли из орудий крупных калибров снарядами, которые фронтовики прозвали «чемоданами». Для них был характерен полет с «хрипящим» звуком. Прямое попадание такого «чемодана» в окоп и блиндаж имело самые губельные для людей последствия.

Когда фронтовая организация «устоялась», генерал-майор Л.Г. Корнилов был назначен командиром 1-й бригады 49-й пехотной дивизии. Но в этой должности он не пробыл и двух месяцев. В конце 1914 года следует назначение командиром 48-й пехотной дивизией, одной из наиболее прославленных в рядах русской армии во время Первой мировой войны.

Эта дивизия имела название Стальной пехотной. Именовалась она еще и Суворовской дивизией. В ее состав входили пехотные полки, овеянные славой великих русских полководцев генералиссимуса А.В. Суворова-Рымникского и генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского. Об этом говорили сами названия полков: 189-й Измаильский, 190-й Очаковский, 191-й Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский.

До войны дивизия дислоцировалась на территории Казанского военного округа. В городе Самаре располагались дивизионный штаб и 189-й пехотный полк, в Уфе стоял Очаковский. Два других полка, составлявших 2-ю бригаду, квартировали в степном Оренбурге. Свою родословную эти воинские части, за исключением 190-го полка, вели с 1811 года. Полковая биография пехотинцев-очаковцев начиналась несколько раньше, с 1804 года.

Стальная дивизия с первых дней войны показала себя крепко сколоченным еще в мирное время воинским коллективом. Показателем ее «качества» могут служить маршевые пополнения, которые приходили из Поволжья, где оставались запасные батальоны полков дивизии. Подчиненные Корнилова, в частности, надлежащим образом относились к «казенному имуществу». Или, иначе говоря, «суворовцы» не воспринимали как мотивацию для своего поведения на войне бытовавшую тогда в армии поговорку: «казенное — в огне не горит, в воде не тонет».

Что это означало в жизни? Ответ на этот вопрос наилучшим образом дает профессор-белоэмигрант генерал-лейтенант Николай Николаевич Головин в своем труде «Военные усилия России в Первой мировой войне»:

«...Моя армия переживала «сапожный» кризис... Я лично объехал для проверки корпуса, некоторые дивизии и полки. Оказалось, что все прибывающие маршевые роты, а их в этот период прибывало много, почти поголовно прибывали со старой, никуда не годной обувью. Между тем, согласно установленному порядку, все чины маршевых рот, высылаемых запасными батальонами, снабжались совершенно новыми сапогами.

В ближайшие же дни выяснилось, что чины маршевых рот, проходя через деревни, продавали новые сапоги, обменивая

их на куда не годные, причем производилось это почти повально. Все опрошенные после поимки совершенно искренне отвечали, что они думали, что когда придут в окопы, им должны дать новые сапоги.

Одновременно с этим открылось, что торговля казенным вещевым довольствием приняла настолько массовый характер, что произведенный местной полицией обыск в селах, лежащих на пути прохождения маршевых рот, обнаружил даже небольшие мастерские, в которых перешивали солдатские полотноща палаток в юбки для деревенских баб...»

Генерал А.И. Деникин, будущий преемник Корнилова на посту командующего белой Добровольческой армией, тогда командир соседней 4-й Стрелковой дивизии объяснял первую фронтную неудачу Лавра Георгиевича тем, «что дивизия и ранее не отличалась устойчивостью. Но очень скоро в руках Корнилова она стала прекрасной боевой частью».

В своих воспоминаниях «Путь русского офицера» А.И. Деникин восхищается такими командирскими, человеческими качествами Корнилова, как «умение воспитывать войска, личная храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность, наконец высокое соблюдение воинской этики в отношении соратников — свойство, против которого часто грешили многие начальники».

Новое наступление на Востоке силами Юго-Западного фронта началось в ноябре 1914 года. 48-я пехотная Стальная дивизия генерала Корнилова, бок о бок с которой пробивалась вперед 4-я стрелковая бригада, которая в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 годов получила название «Железная», которой командовал генерал А.И. Деникин. Его бригада вскоре была развернута в 4-ю стрелковую дивизию. Это было первое знакомство Лавра Георгиевича со своим будущим единомышленником по Белому движению, которое выльется во фронтную дружбу.

Стальная дивизия и Железная бригада прорвали неприятельские позиции, которые тогда еще не создавались по всем правилам полевого фортификационного искусства. После этого русская пехота начала пробиваться по горным перевалам через заснеженные Карпаты и вскоре оказалась на их противо-

положном склоне. Отсюда открывался путь на Венгерскую равнину. Из Закарпатья можно было прицелиться для удара в направлении на Будапешт и далее — на австро-венгерскую столицу Вену.

Это стало бы осуществлением одного из двух стратегических планов на большую войну в Европе, которые заранее разрабатывались в российском Генеральном штабе. В случае успеха широкомасштабной наступательной операции Германская империя теряла своего главного союзника. В таком случае блок Центральных держав терпел в столкновении с Антантой поражение.

Прорыв пехотной дивизии и стрелковой бригады, во втором эшелоне которых наступала 2-я Сводная казачья дивизия генерала Павлова в ходе Галицийской битвы 1914 года, создал выгоднейшую ситуацию. Поддержки тогда генерал А.А. Брусилов главными силами своей 8-й армии прорвавшиеся через Карпаты войска, и начало Первой мировой войны могло ознаменоваться крупной победой русского оружия на Венгерской равнине.

Однако действительно способный и удачливый полководец Алексей Алексеевич Брусилов, тогда еще только командующий одной из левофланговых армий, не решился проявить инициативу. Он не стал наращивать усилия на участке прорыва неприятельского фронта, хотя именно там намечился наибольший тактический успех в ходе наступления 8-й армии.

Свое не самое «лучшее слово» в той ситуации сказал и командующий Юго-Западным фронтом генерал Иванов. Он неожиданно приказал брусиловской армии изменить направление наступления и идти не в сторону Карпат, а на север, нацеливаясь на древнюю польскую столицу город Краков, который тогда входил в состав Австро-Венгерской империи. В итоге таких неразумных действий слабо прикрытый австрийскими войсками Будапешт, до которого по равнине было рукой подать, был выведен из-под удара.

В итоге и хорошо защищенный Краков взять не удалось, и стратегическая инициатива на пороге Венгрии оказалась безвозвратно потерянной. Австрийское командование в лице главнокомандующего генерала эрцгерцога Фридриха и начальни-

ка Генерального штаба генерала графа Ф. Конрада фон Гетцендорфа быстро опомнилось от такой неожиданности: русские войска оказались на «дунайской» стороне Карпатских гор. К месту прорыва спешно перебрасывались сильные резервы. Вовремя подоспела помощь и от германцев, которым пришлось выручать союзников.

Фактический авангард русского Юго-Западного фронта оказался под ударом превосходящих вражеских сил. Сразу же завязались тяжелые бои. 48-я пехотная Стальная дивизия Корнилова и 4-я стрелковая Железная бригада Деникина с трудом отбивались от наседавшего с трех сторон противника, «превосходного в силах». Им пришлось начать отступление в зимние горы по тем же перевалам, по которым они прорвались в Закарпатье.

При отходе пришлось бросить обременительные обозы (провиант и патроны были розданы людям), часть захваченных пленных (только во время боя на перевале Черемша корниловцы захватили в плен до 3 тысяч австрийцев) и прорываться налегке. Приказ об отступлении был дан 27 ноября: двигаться пришлось по единственной горной дороге, занесенной снегом. Австрийцы перерезали путь отступавшим русским у местечка Сины.

Чтобы дать пройти по шоссе дивизионной артиллерии, генерал Корнилов собрал до батальона пехоты и сам повел солдат в штыки. Контратака оказалась успешной, и австрийцев отбросили от дороги. Но, как показали дальнейшие события, это был только частный успех, который изменить общую ситуацию просто не мог.

Стальная дивизия вырвалась из почти сомкнувшегося вокруг нее кольца окружения с немалыми потерями. Но при этом неприятелю не было оставлено ни одного артиллерийского орудия и зарядного ящика, а с собой приведено более двух тысяч пленных. Удалось вывезти и вынести большую часть тяжело-раненых.

За умелое руководство боями в Карпатских горах командир 48-й пехотной дивизии Л.Г. Корнилов 15 февраля 1915 года был произведен в генерал-лейтенанты. Его имя, благодаря газетным публикациям, зачитываемым в войсках приказам и рассказам солдат, стало широко известно на Русском фронте

Первой мировой войны. Лавр Георгиевич становится популярным в действующей армии.

«Странное дело, — замечал в своих мемуарах генерал А.А. Брусилов, — генерал Корнилов свою дивизию никогда не жалел, во всех боях, в которых она участвовала под его начальством, она имела ужасающие потери, а между тем офицеры и солдаты его любили и ему верили... Правда, он и сам себя не жалел, лично был храбр и лез вперед очертя голову...»

Брусилов, писавший свои воспоминания уже в советское время, не мог, разумеется, хорошо отозваться о генерале-белогвардейце. О карпатской эпопее Стальной дивизии и ее командира надо было откликнуться с негативной стороны, если не сказать большего. Поэтому в брусиловских мемуарах появилось и такое откровение их автора:

«Корнилов... не исполнил приказа своего корпусного командира и, увлекшись преследованием, попал в Гуменное, расположенное у подошвы южного склона Карпат, там был окружен и с большим трудом пробился и вернулся тропинками обратно, потеряв свою артиллерию и часть обоза».

В марте 1915 года Суворовская дивизия отличилась при прорыве оборонительных позиций 3-го австро-венгерского корпуса. Но тогда русским войскам не удалось развить успех корниловских пехотинцев. Затем Стальная дивизия успешно провела бой у высоты, отмеченной на топографической карте номером 650. После победного боя она получила название «Малый Перемышль».

Боевая деятельность генерал-лейтенанта П.Г. Корнилова в Галиции завершилась весной 1915 года весьма трагично. Германское командование при участии своих союзников-австрийцев провело операцию на северных склонах Карпатских гор у небольшого польского городка Горлица на реке Дунайце. Русский фронт тогда прорвать наступающим не удалось, но они сумели его «продавить». Оборонявшаяся здесь 3-я армия под командованием болгарского генерала от инфантерии на русской службе Радко Дмитриевича Радко-Дмитриева оказалась сломленной. На участке Горлицкого прорыва германское командование сосредоточило такое количество тяжелой артиллерии, которое было у него только под французским крепостным Верденом.

За поражением при Горлице последовало общее отступление армий России, которое затронуло и войска брусиловской 8-й армии. Причина ее отхода на восток заключалась в следующем. После победы у Горлицы германцы и австрийцы повели наступление большими силами в направлении на город-крепость Перемышль и дальше на галицийскую столицу Львов. Ими командовал один из лучших и результативных полководцев Первой мировой войны немецкий генерал-фельдмаршал Август фон Макензен.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал от артиллерии Н.И. Иванов с фронтовым штабом оказался не на высоте положения. Он не сумел разумно использовать имеющиеся у него значительные резервы, особенно кавалерию. В итоге русская группировка в Карпатах оказалась под угрозой быть отрезанной от главных сил фронта.

В дни тяжелых боев 48-я пехотная Стальная дивизия занимала укрепленные позиции левого боевого участка в 30 километрах юго-западнее Дукельского перевала в Карпатах. Справа располагалась 49-я дивизия того же 24-го армейского корпуса. Слева — дивизия соседнего 12-го корпуса. Весной во время второй военной кампании русские войска в Карпатских горах держали позиционную оборону.

Наступавший неприятель большими силами вышел во фланг и тыл 24-го корпуса 8-й армии. Сложившаяся ситуация вынудила корпусного командира генерала Афанасия Андреевича Цурикова, будущего генерала от кавалерии и члена Особого совещания при главкоме РККА, отдать приказ об отступлении. В корниловский дивизионный штаб этот приказ пришел с некоторым опозданием. Это сказалось на последующих событиях близ Дукли.

События развивались следующим образом. В первой половине дня 23 апреля полки 48-й дивизии, отошедшие назад на 25—30 километров, заняли не оборудованные в инженерном отношении позиции в горах. Пехотинцы стали окапываться, устраивать артиллерийские позиции. Ожидались скорые атаки австрийцев: боевые дозоры русских уже имели с их авангардными отрядами жаркую ружейную перестрелку.

Поздно вечером Лавр Георгиевич получил новое распоряжение из корпусного штаба: переместиться на рубеж Роги —

Сенява. Это означало, что уставшим за прошедшие сутки людям и лошадям предстоял ночной марш в 15—20 километров. А поскольку командир корпуса генерал-лейтенант Цуриков уже снялся со своим штабом и уехал в тыл, дивизионному командиру оставалось полагаться только на собственную интуицию да на донесения полковых пеших разведчиков.

Складывалась боевая ситуация, в которой 48-й Стальной дивизии отводилась роль прикрытия отхода других корпусных войск. Обеспечения с флангов она не получила. И в итоге четыре русских пехотных полка в ходе неприятельского наступления оказались в клещах 2-го германского и 3-го австро-венгерских корпусов. Дивизия оказалась в кольце окружения, не успев вырваться на равнину с Карпатских гор, с подступов к Дукельскому перевалу.

Объективно говоря, в начальный период окружения 48-я пехотная дивизия вполне могла избежать его. Для этого на войне требовалась только своевременная ситуационная информация из штаба корпуса о складывающейся обстановке. И своевременный приказ сверху об отходе, который позволял дивизии быстро отступить, сбив на пути с гор артиллерией еще слабые численно вражеские заслоны.

Но генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов, не имея информации о соседях, неправильно оценил сложившуюся оперативную обстановку. Вместо того чтобы без размышлений выполнить ранее полученный от корпусного начальства приказ, он задумал нанести отвлекающий контрудар во фланг неприятельской группировки, сильно теснившей соседнюю 49-ю пехотную дивизию его же корпуса. То есть подать в трудный час руку помощи соседу. Корнилов в той ситуации не догадывался о численности атакующих немцев и австрийцев, которых набиралось в предгорьях уже два полнокровных армейских корпуса. Своевременно «выявить» их ни корпусная, ни армейская разведка тогда не смогли.

Тем временем пехотная бригада 2-го германского корпуса уже заняла господствующие высоты на реке Дукля, на пути движения на равнину корниловской дивизии. Получив такое донесение, Лавр Георгиевич приказал 192-му Рымникскому полку, двум батальонам 190-го и батальону 189-го полков выбить с лесистых высот немцев. Атака их малыми для такой

задачи силами, да еще без огневой поддержки артиллерии, не удалась. Стрелковые цепи русских, неся тяжелые потери от неприятельского огня, залегли перед высотами и стали окапываться.

Только к утру 24 апреля обстановка на поле боя прояснилась. Теперь Корнилов мог оценить ситуацию, в которой он оказался со своей Стальной дивизией. Из опроса захваченных в ночных поисках пленных и документов убитых стала известна приблизительная сила неприятеля. В то же утро генерал отправил корпусному командиру в Красно следующее донесение:

«Положение дивизии очень тяжелое. Настоятельно необходимо содействие со стороны 49-й дивизии и 12-го корпуса...»

В корпусной штаб донесение попало только к вечеру 24 апреля. Тем временем в светлое время суток германцы и австрийцы продолжали наращивать силы, окружавшие русскую дивизию, которая на берегах реки Дукля оказалась в западне, все ходы и выходы из которой оказались надежно перекрытыми. Вырваться из нее можно было только ценой огромных людских потерь, «кровавых потерь».

К полудню Лавру Георгиевичу стало ясно: дело принимало дурной оборот. Он лично провел рекогносцировку вражеских позиций на наиболее угрожаемых участках и понял, что его Стальной дивизии предстоит пойти на прорыв, надеясь только на штыковой удар и удачу на войне. И как можно скорее, иначе кольцо окружения могло «затвердеть» и еще больше оцетиниться пулеметами и артиллерийскими орудиями.

Дивизионный командир решил в первую очередь спасти свою артиллерийскую бригаду. Потеря пушек любого калибра на войне порочила даже самого боевого начальника. Поэтому не случайно «качество» победы в сражении измерялось не только количеством убитых и пленных врагов, но и числом трофейных орудий и знамен.

Поняв, что прямой путь закрыт крепким заслоном германцев, Корнилов изменил маршрут движения дивизионной артиллерийской бригады. Теперь она отходила с гор через Дуклю, Ясионку, Люботовку на Ивонич. Полковник Трофимов, командир бригады, вел свои батареи без надежного пехотного

прикрытия. При подходе к Мшане выяснилось, что путь впереди уже успели преградить немецкие войска неизвестной численности.

Бригадная походная колонна, растянувшаяся на лесной дороге, остановилась. Трофимов, послав донесение дивизионному командиру, приказал снять орудия с передков, развернуть их и открыть беглый огонь по близкому неприятелю. Тот уже пошел в атаку на отступавшую прямо на него колонну русских.

Корнилов, получив донесение, послал на подмогу артиллеристам ближайший к ним 189-й Измаильский полк. Пехотинцы спешно прибыли к месту боя и стали побатальонно разворачиваться для штыковой контратаки. Неожиданно они были обстреляны с близкого расстояния из пулеметов, которые германцы скрытно успели установить на окрестных горках. Роты смешались, и солдаты в полном расстройстве бросились бежать в лес, ища укрытия от пулеметных очередей за деревьями.

Командир полка полностью потерял управление и не сумел собрать воедино ни одной роты. Такая же ситуация была и в артиллерийской бригаде, которая попала тоже под пулеметный огонь. Через несколько часов прибывшие к месту события австрийцы пленили в лесу и на дороге около трех тысяч человек — артиллеристов и пехотинцев-измаильцев. Укрыться в лесу и избежать плена удалось только немногим.

Ситуацию у Мшаны еще можно было исправить, но под рукой у Корнилова уже не имелось ни одного резервного пехотного батальона. Три оставшиеся полка дивизии вели огневой бой в надежде с наступлением темноты вырваться из вражеского кольца. Однако к ночи многотысячные германские войска с артиллерией заняли Дуклю, а авангард австро-венгерского корпуса — Тржициану. Теперь кольцо окружения вокруг Стальной дивизии полностью сомкнулось. Помощи ей в той ситуации ждать уже не приходилось.

Капитуляция в таких, казалось бы безвыходных, условиях была бы вполне естественным делом. В те годы не принято было ни в Центральных державах, ни в армиях Антанты судить командиров любого ранга за то, что они не желают губить понапрасну людей и предпочитают смерти вражеский плен.

«Классическим» примером может служить дело генерала от кавалерии Н.П. Бобыря, коменданта Новогеоргиевской крепости. Ее гарнизон состоял из четырех пехотных дивизий и имел полугодовой запас провианта. Форты крепости, построенные перед самой войной по последнему слову фортификационной науки, имели возможность длительное время держаться, даже будучи полностью блокированными. Запасы артиллерийских снарядов превышали миллион единиц.

Блокаду крепости Новогеоргиевск осуществляла специально созданная германским командованием Осадная армия «Модлин» генерал-полковника Ганса фон Безелера, отличившегося перед этим взятием бельгийской крепости Антверпен. Он имел от немецкой разведки подробный план защитных сооружений Новогеоргиевска. В ходе мощной атаки 26 июля 1914 года германцам удалось овладеть только несколькими фортами внешнего крепостного обвода. Боевой дух русского гарнизона, по свидетельству очевидцев и ходу боев, был очень высок. Чего нельзя было сказать о коменданте Бобыре, который оказался потрясенным утратой части внешних укреплений.

Крепостной комендант, на удивление своим и неприятелю, приказал в ночь на 5 августа очистить остальные форты в северо-восточной части внешнего обвода Новогеоргиевска, не задерживаясь на промежуточных фортификационных позициях. Это позволило германским войскам почти беспрепятственно приблизиться к внутренней части крепости и атаковать там форты, овладев двумя из них не без «содействия» коменданта русской крепости.

Уже 6 августа генерал от кавалерии Бобырь посчитал дальнейшее сопротивление делом совершенно бесполезным. Он ночью тайком перебежал к неприятелю и был незамедлительно доставлен в штаб командующего Осадной армией «Модлин». После короткого разговора с генерал-полковником фон Безелером Бобырь, находясь уже в плену, отдал приказ о сдаче крепости «во избежание дальнейшего кровопролития». Немцы быстро доставили его во все форты, гарнизоны которых и не думали сдаваться.

7 августа германские войска победителями вступили в Новогеоргиевскую крепость. В плен по приказу изменника-коменданта сдалось 83 тысячи человек, в том числе 23 генерала

и 2100 офицеров. Сверх того немцы захватили в качестве трофеев 1096 крепостных и 108 полевых орудий, и почти не расстрелянные огромные запасы артиллерийских снарядов. Единственное, что не стало трофеями германской армии в Новогеоргиевске, это были знамена русских полков и артиллерийских бригад. Они были спасены по воздуху летчиками крепостного авиационного отряда. Аэроплан со «знаменным» грузом смог благополучно перелететь линию фронта и приземлиться в ближнем тылу своих войск.

Из шести десятков генералов русской армии, побывавших в плену в годы Первой мировой войны, едва ли не половина оказалась из гарнизона капитулировавшей крепости Новогеоргиевск. Имя генерала от кавалерии Бобыря стало нарицательным. Его не судили, лишь отчислив 20 августа 1915 года «от должности за нахождением в плену»...

В той «окруженческой» ситуации Корнилов не был бы Корниловым, если бы не попытался вырваться из вражеского кольца. Прорваться хоть на одних штыках, но не опорочить чести русского воинства.

В вечерних сумерках 48-я пехотная Стальная дивизия пошла на прорыв. Превосходство германцев и австрийцев в бою на реке Дукля оказалось подавляющим. Полное счастье улыбнулось только 191-му Ларго-Кагульскому полку и одному батальону 190-го Очаковского полка. Но они вынесли из окружения все знамена дивизии, что давало право восстановить ее под прежним названием, равно как и ее прославленные во многих войнах «суворовские» полки. Ларго-кагульцы и очаковцы «на штыках» пробивались к городкам Роги и Бржозов.

Генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов и здесь остался верен себе, взяв личное командование над батальоном 192-го Рымникского полка, прикрывавшего прорыв дивизии. Арьергардный батальон под вражеским огнем poleg на поле брани почти полностью, так и не сумев выполнить задачу.

От батальона в живых осталось всего семь человек, среди которых оказался дважды раненый Лавр Георгиевич Корнилов. Эта группа смогла утром следующего дня прорваться в карпатские леса и затеряться в них на четверо суток. Но перед этим Корнилов стал невольным свидетелем пленения остатков своей дивизии.

С рассветом огонь противника со всех сторон обрушился на те поредевшие батальоны, которые не смогли вырваться из кольца окружения. Русские стрелки, которые залегли на лесистых горных склонах, отчаянно отбивались, расстреливая последние патроны. На предложение германского парламентаря сдаться генерал-лейтенант Корнилов ответил, что он не может этого сделать лично, и, сложив с себя командование дивизией, скрылся с группой бойцов в лесу. Оставшиеся в живых три с половиной тысячи солдат и офицеров, среди которых оказалось большое число раненых, сдались немцам близ деревни Тилова. Положение их было действительно безвыходным.

Заключительный акт трагедии в Карпатских горах в официальном сообщении Берлина — из германской Главной штаб-квартиры излагается так:

«7 мая (24 апреля) остатки этой дивизии появились на высоте Хирова-гора перед войсками генерала фон Эммиха. На предложение немецкого парламентаря сдаться начальник дивизии ответил, что он не может этого сделать, сложил с себя командование и исчез со своим штабом в лесах. Вслед за этим 3500 человек сдались корпусу Эммиха. После четырехдневного блуждания в Карпатах генерал Корнилов 12 мая (29 апреля) со всем своим штабом также сдался одной австрийской войсковой части».

...Поражение целой дивизии, да еще именной, привело к расследованию обстоятельств этого дела. Такое решение приняли в Ставке. От командовавшего 24-м армейским корпусом генерала Цурикова потребовали объяснений о боевых действиях Стальной дивизии с 21 по 24 апреля 1915 года в Карпатских горах. Тот составил должностной рапорт, в котором неудачу 48-й пехотной дивизии связывал с просчетами ее начальника. Среди прочего Цуриков писал:

«Если бы генерал-лейтенантом Корниловым была правильно оценена обстановка и поставленная дивизии задача, правильно организован и своевременно выполнен марш, указанный моим приказом... то дивизия отошла бы благополучно на указанную ей новую линию Роги — Сенява».

Но к чести корпусного командира надо сказать, что Цуриков в своем должностном рапорте давал Корнилову хороший

шанс оправдаться. Было отмечено, что «за нахождением генерал-лейтенанта Корнилова в плену» сейчас невозможно установить, в силу каких обстоятельств он промедлил с выполнением полученного приказа в ночь с 22 на 23 апреля. Но при этом корпусной начальник замечает, что Корнилов свою дивизию в «самый отход направил по наиболее опасному и невыгодному направлению».

Военные эксперты начали было заниматься следственным делом. В одном из составленных документов ими были сказаны такие слова: «войска 24-го корпуса свято выполнили свой долг перед государем и родиной», но «в отношении управления этими войсками, как представляется, были допущены крупные недочеты».

Однако делу о поражении 48-й Стальной дивизии дальше хода не дали. Такое решение приняли и главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н.И. Иванов, и Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич-младший. Слишком много неудач перенесла русская армия в 1915 году, чтобы отдавать на суд общественности, в том числе и военной, дело о потере одной-единственной пехотной дивизии...

Семь человек (считается, что среди них были и дивизионные штабисты) во главе с генералом, раненным в руку и ногу, четверо суток без пищи и медикаментов блуждали по лесам незнакомых гор, надеясь перейти линию фронта. 28 апреля их, израненных и обессиленных, взяли в плен австрийцы, прочесывавшие леса ниже Дукельского перевала. Они были немало удивлены увиденной картиной: по горной тропе дважды раненого командира русской дивизии нес на себе раненый батальонный санитар.

В наши дни исследователям, знатокам Первой мировой войны, трудно понять, как генерала, попавшего в плен, могли наградить, и не посмертно, как, скажем, советского генерала Д.М. Карбышева, а именно в то время, когда Лавр Георгиевич находился в плену. Однако такое случилось с будущим вождем Белого движения. И стало украшением его биографии.

Действия в Карпатских горах 48-й пехотной Стальной дивизии, несмотря на печальный исход ее прорыва из вражес-

кого окружения, были высоко оценены главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта генералом от артиллерии Н.И. Ивановым. Он обратился по инстанции к Верховному главнокомандующему России генералу от инфантерии великому князю Николаю Николаевичу-младшему Романову с ходатайством. В нем испрашивалось о награждении бойцов доблестно сражавшихся полков и артиллерийской бригады, по сути дела, погибшей дивизии и лично ее командира. В телеграмме говорилось:

«Ходатайствую о примерном награждении остатков доблестно пробившихся частей 48-й дивизии и особенно ее героя — начальника дивизии генерала Корнилова».

В ходатайстве фронтового главнокомандующего отмечалось, что попавший в австрийский плен генерал за 1914—1915 годы своего пребывания на фронте за личную доблесть и умелое командование уже трижды награждался боевыми орденами. Это были Святая Анна 1-й степени, Святой Станислав 1-й степени и Святой Владимир 3-й степени.

Император Николай II высочайшим указом от 28 апреля 1915 года пожаловал генерал-лейтенанту Л.Г. Корнилову военный орден Святого великомученика и Георгия Победоносца 3-й степени. Это была высокая боевая орденская награда для младших генералов. Георгиевский крест третьей степени («малый крест») носился кавалерами на шее. С «карпатским» Георгием командующий белой Добровольческой армии погибнет в недалеком 1918 году при неудачном штурме кубанской столицы города Екатеринодара.

И... приказом от 12 мая того же года генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов отчислялся от должности за нахождением в плену. То есть он больше не числился в рядах русской армии.

Наиболее достойные офицеры 48-й пехотной Стальной (или Суворовской) дивизии удостоились орденов Святого Георгия 4-й степени. А многие нижние чины корниловской дивизии — рядовые и унтер-офицеры — были награждены «за геройство» Георгиевскими крестами — единственным в царской России солдатским орденом четырех степеней. Кресты двух первых степеней (IV и III) изготавливались из серебра, высших степе-

ней (II и I) — из золота. Солдатские «егории» первой и третьей степеней украшались бантами из ленты георгиевских цветов.

Телеграмма командующего 3-й армией командиру 24-го армейского корпуса свидетельствовала о том, что к массовому награждению был лично причастен великий князь Николай Николаевич-младший:

«Его императорское высочество вошел с ходатайством о награждении генерала Корнилова орденом Святого Георгия 3-й степени, телеграфировал государю императору о героическом подвиге 48-й дивизии, жалует всем нижним чинам Георгиевские кресты, повелел телеграфировать об офицерах, достойных ордена св. Георгия 4-й степени, передать им свою горячую благодарность, вся армия гордится ими».

Такое массовое награждение (одно из немногих в годы Первой мировой войны) и особенно плененного командира дивизии произошло неспроста. Ведь генерал Корнилов своими решительными действиями и стойкостью спас от реально полного разгрома свой 24-й армейский корпус. И всю русскую 3-ю армию Юго-Западного фронта, в состав которой корпус генерала от инфантерии А.А. Цурикова был переведен из 8-й армии.

Правда, несколько позднее нашлись люди, которые подвергли объективности награждения Лавра Георгиевича вторым орденом Святого Георгия. Генерал-майор Временного правительства А.И. Верховский, ставший затем военспецом в Красной армии, писал уже в советское время:

«Корнилов с группой штабных офицеров бежал в горы, но через несколько дней, изголодавшись, спустился вниз и был захвачен в плен австрийским разъездом. Генерал Иванов (тогда главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта) пытался найти хоть что-нибудь, что было бы похоже на подвиг и могло бы поддержать дух войск. Сознательно искажая правду, он прославил Корнилова и его дивизию за их мужественное поведение в бою. Из Корнилова сделали героя на смех и удивление тем, кто знал, в чем заключался этот «подвиг».

К вышесказанному можно добавить, что красный военспец в печально известные 30-е годы, когда маховик сталинских репрессий еще только раскручивался, сам с прошлым

царского офицера, естественно, не мог сказать доброго слова о Корнилове. О самом белом среди всех белых генералов. Все, что было написано Верховским о Л.Г. Корнилове, можно смело назвать «социальным заказом».

Впрочем, были и прижизненные для Лавра Георгиевича очернители подвигов солдат и офицеров 48-й пехотной Стальной дивизии и ее командира. В одном из архивных дел Оперативного отделения управления генерал-квартирмейстера Юго-Западного фронта рассказывается о таком «фронтвом эпизоде».

Участник тех боев в Карпатских горах, бригадный командир 48-й дивизии, черногорец, на русской военной службе генерал-майор Попович-Липовац, кавалер офицерского ордена Святого Георгия 4-й степени и четырех солдатских Георгиевских крестов — полного банта, что свидетельствовало о его несомненной личной доблести, «попытался было восстановить истину». Однако командование фронта в лице генерала от артиллерии Н.И. Иванова не позволило ему бросить тень на массовый солдатский подвиг. В телеграмме Иванова, отправленной 26 апреля во Львов генералу Половцеву, говорилось:

«Прошу принять самые решительные меры по содержанию передаваемой ниже относительно генерала Поповича-Липоваца части телеграммы начальника штаба 3-й армии, который сообщает следующее: раненый в бедро генерал Попович-Липовац эвакуировался во Львов и с пути прислал телеграмму панического содержания, в которой изображает бой 48-й дивизии в весьма субъективной окраске страждущего от ран человека.

Крайне необходимо принять меры к тому, чтобы во Львове его рассказы не произвели вредного впечатления и весь прекрасный бой этой дивизии не получил бы одностороннего освещения».

Ради справедливости надо заметить следующее. Лавр Георгиевич никогда не отзывался плохо о бойцах Стальной дивизии. Ни о нижних чинах, ни об офицерах. Ее поражение в Карпатах он воспринимал как личную боль. В одном из частных писем он откровенно признавался, что «в несчастье доблестной дивизии» повинен и он.

Глава 6

АВСТРИЙСКИЙ ПЛЕН. ПОБЕГ. ПИК ПОПУЛЯРНОСТИ

Во время Первой мировой войны пленные генералы воюющих сторон получали неплохое питание, медицинский уход, возможность пользоваться услугами денщика, делать некоторые покупки. В принципе можно было бы и вовсе получить личную свободу, но при обязательном условии дачи подписки о дальнейшем неучастии в боевых действиях вплоть до официального окончания войны.

Почему так хорошо жили в плену неудачники из генералитета? Объяснение найти довольно просто. Высшее командование и союза Центральных держав, и стран Антанты знало и помнило, что и их военачальники находятся в неприятельском плену. Поэтому не следовало давать недостойных примеров дурного обращения с пленными на войне генералами.

Военнопленные, между прочим, находились еще и под заинтересованной опекой Международного общества Красного Креста. С ним воюющим сторонам приходилось считаться на протяжении всего XX столетия. Приходится считаться и в новом, XXI веке. Комиссии этой авторитетной международной организации не раз проверяли лагеря военнопленных воюющих сторон. Отказать ей в том решались редко. Комиссии в своем большинстве состояли из представителей нейтральных государств «с именем»: известных общественных и политических деятелей, врачей, ученых, литераторов.

Русский генерал Лавр Георгиевич Корнилов имел твердые понятия о чести и воинском долге. Он страшно томился в австрийском плену, рвался из него, чтобы вновь оказаться в рядах русской действующей армии. Идущая война для него была не сколько Великой, сколько Отечественной. И он не мог ос-

таться в стороне до самого окончания войны, когда пленные обретали после подписания мира личную свободу.

Первоначально военнопленный генерал был помещен австрийцами в замок Нейгенбах, близ Вены. Это был элитный замок — для генералов и старших офицеров. Затем Корнилова перевезли в Венгрию, в замок князя Эстергази в селении Лека, который охранялся внутренними и внешними постами. Этот княжеский замок стал местом заключения всех генералов, оказавшихся в австрийском плену.

Корнилов дважды пытался бежать из плена. И оба раза неудачно. Первоначально сидевший с ним в Нейгенбахе летчик Васильев предложил план проникновения на один из аэродромов близ Вены, захвата аэроплана и полета на восток. Вскоре по лагерю поползли и военлета Васильева, действительно настоящего воздушного аса и лично бесстрашного человека, изолировали от Лавра Георгиевича.

Судьба все же сделала Корнилову подарок: плен свел его с бывшим сослуживцем — начальником по Заамурскому округу пограничной стражи генерал-лейтенантом Е.И. Мартыновым. Два старых сослуживца оказались искренне рады такой неожиданной встрече, да еще при таких не самых приятных обстоятельствах.

Мартынов оказался в руках австрийцев при следующих обстоятельствах. Возвратившийся с началом войны на действительную службу отставной генерал-пограничник на аэроплане проводил воздушную разведку расположения неприятельских сил в западной части Галиции. Над городом Львовом летательный аппарат был сбит, но опытному пилоту А.А. Васильеву (прославившему свое имя перелетом по маршруту Петербург — Москва) удалось посадить машину и избежать гибели для экипажа аварии.

Корнилов и Мартынов, успевшие за время совместной службы по охране Китайской Восточной железной дороги сблизиться, поняли желание друг друга с полуслова. Они начали деятельно готовиться к побегу из Лекского замка. Им удалось после долгих поисков раздобыть гражданскую одежду. Но побега не случилось: «злоумышленников» выдал княжеский кастелян, которого русский генерал пограничной стражи просил достать документы. Мартынов писал об этом эпизоде так:

«...Явившийся на следующий день австрийский полковник произвел дознание и конфисковал найденный в (моей) комнате штатский костюм; Корнилов же остался совершенно в стороне благодаря тому, что его имя при переговорах с кастеляном не упоминалось. После описанного инцидента побег из замка Лека сделался уже весьма затруднительным, так как меры охраны пленных были значительно усилены».

Как вел себя Лавр Георгиевич в плену? Об этом есть единственное письменное свидетельство, вышедшее же опять из-под пера того же Мартынова, который после 1917 года добродетельством к Корнилову, мягко говоря, совсем не отличался:

«Как хороший солдат, Корнилов страшно томился в плену и рвался к боевой деятельности; к тому же его непрерывно точил червь неудовлетворенного честолюбия. Свой вынужденный досуг он старался заполнить чтением, но читал почти исключительно книги о Наполеоне, что еще больше раздражало его, так как он имел обыкновение проводить параллели между различными случаями из жизни великого корсиканца и своей собственной».

В это время Корнилов еще был черносотенцем и, читая в австрийских газетах о борьбе царского правительства с прогрессивным блоком Государственной думы, неоднократно говорил, что он с удовлетворением перевешал бы всех этих Гучковых и Милюковых»

...Вскоре два генерала-единомышленника разошлись. Мартынов, может быть в силу своей сломавшейся «маньчжурской» карьеры, был чрезвычайно критически настроен к высшему командованию России в идущей войне. Он крайне резко высказывался о достоинствах великого князя Николая Николаевича-младшего, главы Ставки. Столь же резко он критиковал и российскую военную администрацию.

Резкость мартыновских нападок быстро надоела военнопленным генералам: она их просто угнетала. Корнилов, который в такой ситуации демонстративно поддерживал дружеские отношения с Мартыновым, в конце концов высказал искреннее возмущение его несдержанными выражениями и «отсутствием патриотизма». В конце концов два генерала рассорились и даже отказывались подавать друг другу руки.

После возвращения из плена в Советскую Россию бывший царский генерал Е.И. Мартынов стал инструктором в Красной армии. Он написал книгу «Корнилов. Попытка военного переворота», которая была опубликована в 1927 году в одном из московских издательств. С начала и до конца она была «окрашена» духом неприязни к своему бывшему товарищу по австрийскому плену.

Как Корнилов лично относился к «такому» Мартынову, сослуживцу по Маньчжурии и соседу по койке в лагере военнопленных? Когда в январе 1917 года бежавшего из плена генерала попросили указать имена тех, кого он считал бы необходимым обменять по предложению австрийцев на их полковника князя Сулковского, Лавр Георгиевич не раздумывал.

Скорее всего, корниловский недоброжелатель Мартынов не знал этого. В могилевскую Ставку на имя государя-императора поступило сообщение, в котором говорилось, что «бежавший из плена генерал Корнилов ходатайствовал о принятии мер к освобождению из плена генерал-лейтенанта Мартынова».

После этого охрану двух пленных генералов усилили. Надзор за ними стал гораздо строже; замковая охрана теперь следила за каждым их шагом. Было резко ограничено их общение с другими военнопленными, находившимися в замке.

Однако Лавр Георгиевич не расстался с мыслью о побеге. Он пошел на хитрость: ведь не зря же он столько лет был военным разведчиком. Он две недели почти не спал, мало ел и тем самым изнурил себя до такой степени, что местные врачи были вынуждены признать его опасно больным. Пленник много пил крепко заваренного чая — чифирь, вызывая тем самым частое сердцебиение. И это тоже повлияло на медицинское заключение.

В июле 1916 года генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова определяют на лечение в госпиталь для военнопленных, расположенный в венгерском городке Кессог. Австрийские власти продолжали подозревать, что больной, сильно ослабевший русский генерал не отказался от побега. Поэтому и в госпитале его усиленно охраняли.

И все же австрийская стража не уследила. Корнилов прибыл в кессогский госпиталь вместе со своим вестовым (ден-

щиком) из пленных солдат Д. Цесарским, человеком смысленным и предприимчивым. Он и лечивший Лавра Георгиевича русский врач из пленных Гутковский и стали организаторами нового, теперь уже удачного побега.

Сложность организации побега из плена именно Корнилова, а не какого-либо другого русского генерала заключалась в следующем. Австрийское командование видело в этом дивизионном командире опасного для себя российского военачальника. Не случайно один из мемуаристов писал по такому поводу:

«Бесспорно, что в случае удачного побега в настоящее время державы (Австро-Венгрия и Германия. — *А.Ш.*) нашли бы в нем серьезного, богатого военным опытом противника, который все свои способности и полученные в плену сведения использовал бы для блага России...»

Вестовой Д. Цесарский, который мог свободно перемещаться по внутренним помещениям госпиталя, сумел найти сообщника. Этим человеком оказался фельдшер, служитель больницы чех Франтишек Мрняк. За большие деньги — двадцать тысяч золотых крон (уплачиваемых по прибытии в Россию) — тот взялся помочь русскому генералу.

В последних числах июля чеху удалось во время обеда проникнуть в канцелярию лагерной больницы и похитить бланки «увольнительных» — отпускных свидетельств, которые затем оформил на себя и на Корнилова. При этом были указаны, разумеется, вымышленные фамилии Владислава Латковича и Иштвана Немета. Раздобыл Мрняк и комплект австрийской военной формы, компас, револьвер с патронами. Деньги на путевые расходы в размере нескольких тысяч крон у Корнилова имелись.

В один из погожих летних дней чех и одетый в форму австрийского солдата генерал-лейтенант Корнилов (он переделся в комнате Мрняка, там же обрил голову, а фельдшер еще вытравил ему родинку под глазом — «особую примету») сумели беспрепятственно покинуть охраняемую территорию госпиталя для военнопленных. По железной дороге они пересекли чуть ли не всю Венгрию, совершив пересадку в Будапеште, и добрались до города Карансебеш на румынской границе. Далее беглецы пешком отправились в Румынию. В то время это

королевство оставалось в войне еще нейтральным государством.

Хватились «тяжелобольного» Корнилова в госпитале, как ни странно, лишь через несколько дней после удачно совершенного побега. Генерал, единственный из соотечественников, не явился на ритуальную церемонию по полковнику Зданевичу. Такое отношение к памяти боевого товарища считалось чрезвычайным происшествием и среди военнопленных, и среди их охраны.

За Корниловым послали, и нашли пустую комнату. Поиски результатов в лагере ничего не дали. Вскоре было обнаружено и бесследное исчезновение фельдшера, служащего больничной аптеки. Лагерные власти немедленно арестовали Цесарского и Гутковского. Было дано знать военным комендантам ближайших железнодорожных станций и городков.

Не знавшие пути Мрняк и Корнилов заплутались в Карпатских горах и пять дней блуждали по лесам, питаясь лишь малиной и ежевикой, грибами. Наконец, вконец оголодавший чех решил отправиться за продуктами в попавшуюся на пути небольшую мадьярскую деревушку. Там он был схвачен пограничным нарядом, который сразу определил в нем дезертира из императорской армии.

Мрняк оказал пограничным стражникам сопротивление, пытаясь бежать, и тем пришлось стрелять. Услышав выстрелы, которые неслись с окраины горной деревушки, Корнилов сумел скрыться в лесу, хотя и был замечен. Еще двадцать дней бежавший из австрийского плена русский генерал плутал по Южным Карпатам в Трансильвании, сбивая со следа настойчивую погоню. Все же он с большим риском для себя сумел перейти такую желанную для него румынскую границу.

Сам Корнилов тогда не знал, что его спутник Франтишек Мрняк остался в живых. В интервью корреспонденту газеты «Новое время» Лавр Георгиевич рассказал следующее:

«Я видел, как изба, в которую вошел мой товарищ, была окружена австрийскими жандармами, через несколько минут я услышал выстрелы — это мой товарищ отстреливался от врагов, но силы были неравны, и он погиб...»

Пойманного фельдшера Франтишека Мрняка судил военно-полевой суд, заседавший в городе Карансебеше. Он приговорил чеха за дезертирство из рядов австрийской армии и содействие в побеге русского военнопленного к смертной казни через повешение. Впоследствии пришло «помилование», и виселица была заменена заключением в тюрьму на двадцать пять лет. Об этом необычном уголовном деле пространно писали газеты Вены и Будапешта.

Франтишеку Мрняку не суждено было состариться в австрийской тюрьме. Развал Австро-Венгерской империи в самом конце Первой мировой войны дал фельдшару-чеху полную свободу. А двадцать тысяч золотых крон он так и не получил. Но при этом вошел в российскую историю.

Лавр Георгиевич, оказавшись беглецом-одиночкой, перешел границу. Он сумел на «подручном средстве», каковым оказалось бревно, переправиться через не широкий в тех местах Дунай, избежав при этом встречи с речным патрулем австрийских пограничных стражников. Дальнейшие события развивались так:

«Ранним утром 28 августа 1916 года на запыленную площадь румынского городка Турну-Северян пригнали группу русских солдат, то ли бежавших из австрийского плена, то ли дезертиров. Изможденные, оборванные, босые, они выглядели усталыми и угрюмыми. Вышедший к ним русский штабс-капитан объявил, что Румыния только что вступила в войну с Германией и Австро-Венгрией и что после проверки все они будут переданы в формирующуюся здесь часть для отправки на фронт. Он уже было собирался уходить, как вдруг от строя отделился небольшого роста, тощий, заросший рыжеватой щетиной солдат. В нарушение всех уставных норм, он резким охрипшим голосом крикнул:

— Пойдите! Я скажу, кто я!

«Черт! — подумал капитан. — Наверное, офицер... Нехорошо я эдак — всех сразу под одну гребенку...»

— Вы офицер? — спросил он как можно участливее. — В каком чине?

Солдат стоял покачиваясь: спазматические, булькающие звуки вырывались у него из горла. Наконец он овладел собой и громко произнес:

— Я генерал-лейтенант Корнилов! Дайте мне приют!..»

Имя генерала Корнилова Лавра Георгиевича, командира Стальной Суворовской дивизии было известно всем в русской армии.

Дальше началось триумфальное шествие генерала Лавра Георгиевича Корнилова. Уже 31 августа он прибыл в румынскую столицу Бухарест, где ему была устроена торжественная встреча. Оттуда беглец из австрийского плена через Киев прибыл в город Могилев, где располагалась до самого конца войны Ставка Верховного главнокомандующего.

О том, как встречали по пути в Могилев «народного героя» Корнилова, свидетельств немало. Подобный рассказ оставил и генерал С.М. Шейдеман, тогда командир 1-го Туркестанского корпуса. Он рассказывает, как во время обеда, на котором присутствовали русские генералы, чины императорской свиты и представители стран Антанты, внезапно распахнулась дверь и в зал вошел «человек в оборванных лохмотьях с Георгием на груди». Четким шагом он подошел к начальнику штаба Ставки генералу М.В. Алексееву и громко отрапортовал:

— Честь имею явиться вашему превосходительству. Генерал Корнилов.

Эффект был полный. Но при этом Шейдеман упоминает, что еще в Киеве Корнилову был сшит новенький генеральский мундир. И что об этом знали многие из чинов Ставки, сидевшие за обеденным столом.

На следующий день Корнилова, одетого уже в парадный мундир, тепло принял император Николай II. Он вручил герою войны ранее пожалованную боевую награду за бои в Карпатах — военный орден Святого Георгия 3-й степени.

По именованным спискам Ставки на сентябрь 1916 года в германском и австрийском плену находилось 62 русских генерала, а бежал оттуда только один Корнилов. Правда, надо заметить, что попытки вырваться из вражеского плена предпринимали и другие генералы. Например, бывший начальник Заамурского округа пограничной стражи генерал-лейтенант Мартынов.

Лавр Георгиевич стал знаменит. От газетных и журнальных репортеров не было отбоя. Портреты Корнилова с неиз-

менной Георгиевской наградой печатались в иллюстрированных журналах. Его имя мелькало в прессе союзных стран Антанты.

Из Могилева удачливый беглец прибыл на берега Невы, где он должен был провести некоторое время под наблюдением врачей для поправки здоровья. Была и другая причина прибытия генерал-лейтенанта Корнилова в российскую столицу.

В Петрограде Лавра Георгиевича чествовали в Михайловском артиллерийском училище, которое герой-фронтовик когда-то успешно закончил и где его имя красовалось на мраморной Доске почета. Юнкера-михайловцы встречали почетного гостя в парадном строю. Один из них прочитал в честь генерала Корнилова стихи собственного сочинения.

Бежавшего из австрийского плена фронтовика узнавали и приветствовали на петроградских улицах и площадях люди самых разных сословий.

Сибирские казаки из станицы Каракалинской, к которой по традиции был приписан служилый казак в чине генерал-лейтенанта, прислали прославленному земляку золотой нательный крест и собранные по кругу сто рублей. Крест был освящен в станичном православном храме. Таким подарком от земляков Лавр Георгиевич был растроган до слез.

Корнилову так и не пришлось подлечиться после бегства из плена. 13 сентября 1916 года он назначается командиром 25-го армейского корпуса и вновь отправляется на Юго-Западный фронт. Корпус входил в состав Особой армии генерала от кавалерии В.И. Гурко, действовавшей на северном крыле фронта. Эту недавно сформированную армию называли особой по простой причине: в семействе Романовых верили в несчастливое число 13, а армия по счету оказалась именно тринадцатой.

Генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов командовал 25-м армейским корпусом до февральской революции 1917 года. К тому времени корпус находился уже в составе Западного фронта, армиями которого командовал генерал от инфантерии М.В. Алексеев, будущий сподвижник Корнилова по Белому движению. В больших делах Корнилову участвовать в должности корпусного командира не пришлось: его фронт вел позиционную борьбу, сидя в окопах.

На Западном фронте Лавр Георгиевич и встретил известие о падении монархии в России, которая совсем недавно со всеми торжествами отметила 300-летие династии Романовых.

Глава 7

КРУШЕНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ.

ПРИКАЗ № 1

ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА

Военные неудачи, разруха на железнодорожном транспорте, посмертная «слава» Гришки Распутина, правление «немецкой» династии в державе, где титульной нацией был русский народ (французский посол в Петрограде Палеолог подсчитал, что в Николае II была одна 128 часть русской крови, которой было больше у царствовавшего тогда английского короля Георга) — все это подкосило династию Романовых. И она рухнула, уйдя в историческое прошлое.

Корнилов был сторонним наблюдателем событий, происходивших в столице в февральские и мартовские дни.

Эпицентром февральских событий стал Петроград. Здесь заседала Государственная дума, «кучковались» политические деятели, пребывало царское правительство, квартировал огромный по численности тыловой столичный гарнизон, постоянно бастовали рабочие заводов и фабрик.

2 марта начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев сообщал телеграммой по прямому проводу государю-императору Николаю II следующее:

«...Получена (Ставкой. — А.Ш.) следующая телеграмма:

«Временный комитет Государственной думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять в свои руки власть, ввиду того, что под давлением войск и народа старая власть никаких мер для успокоения населения не предпринимала и совершенно устранена. В настоящее время власть будет передана временным комитетом Государственной думы Временному правительству, образованному под председательством князя Георгия Евгеньевича Львова.

Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войске, а также находящихся в Петрограде лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть.

Необходимо для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии командировать сюда на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет государственной думы признает таким лицом доблестного, известного всей России героя, командира 25-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Корнилова. Во имя спасения родины, во имя победы над врагом, во имя того, чтобы неисчислимые жертвы этой долгой войны не пропали даром накануне победы, необходимо срочно командировать генерала Корнилова в Петроград. Благоволите срочно снестись с ним и телеграфировать срок приезда генерала Корнилова в Петроград.

Председатель временного комитета
Государственной думы М. Родзянко.
2 марта».

Всепоподданнейше докладываю эту телеграмму и испрашиваю разрешения Вашего Императорского Величества исполнить ее во имя того, что в исполнении этого пожелания может заключаться начало успокоения столиц и водворение порядка в частях войск, составляющих гарнизон Петрограда и окрестных пунктов. Вместе с сим прошу отозвать генерал-адъютанта Иванова (посланного с Георгиевским пехотным батальоном наводить порядок в столице. — А.Ш.) в Могилев.

2 марта 1917 г. № 1890.
Генерал-адъютант Алексеев».

Получив телеграмму такого содержания от начальника штаба своей Ставки, которому он лично доверял, император Николай II, после некоторого колебания, написал прямо на ней собственноручную резолюцию:

«Исполнить».

Алексеев торопил назначение Корнилова на пост главнокомандующего Петроградским военным округом. Он телеграфировал в Псков, в штаб Северного фронта:

«Спешно передайте дворцовому коменданту генералу Воейкову просьбу ускорить решение царя относительно Корнилова...»

Алексеев сообщал в Псков, где в то время находился царский поезд:

«Среди изменивших войск идет усиленная, небезуспешная пропаганда рабочих депутатов. Новая измена поведет к анархии и террору в столице. Еще надеются, что популярное имя Корнилова удержит войска от повторения бунта».

Но только вечером 2 марта в могилевском штабе получили долгожданную ответную телеграмму из Пскова:

«Государь-император соизволил на отзывание в Могилев генерал-адъютанта Иванова и на назначение главнокомандующим войск Петроградского военного округа комкора-25 генерал-лейтенанта Корнилова».

Только в 11 часов вечера 2 марта Родзянко получил от начальника штаба Ставки уведомление о том, что генералу Корнилову отдан приказ «незамедлительно отправиться к новому месту службы».

В тот же день Временный комитет Государственной думы опубликовал обращение к населению столицы, в котором сообщалось о смещении генерала С.С. Хабалова и назначении вместо него Л.Г. Корнилова, «несравненная доблесть и геройство которого на полях сражений известны всей армии и России».

Но для того, чтобы вовремя поставить во главе войск Петроградского гарнизона популярного, доблестного и решительного корпусного командира генерала Корнилова, времени уже не оставалось. Ни у последнего из династии Романовых, ни у председателя Государственной думы Родзянко, ни у находящегося в могилевской Ставке генерала Алексеева.

Династия Романовых рухнула.

Как Февральская революция и низложение династии Романовых воспринимались на фронте, в рядах действующей рус-

ской армии? Белоэмигрант, монархист по убеждениям, штабс-капитан Эраст Гиацинтов, в 1917 году служивший в одной из батарей 3-й Гренадерской артиллерийской бригады, получивший за войну шесть боевых орденов и два досрочных повышения в чине, так описывает в своих мемуарах «Записки белого офицера» события в российской столице:

«Первого марта вечером дошли до нас первые вести о событиях в Петрограде. Впечатление было ошеломляющее. До сих пор верилось в здравый смысл руководителей политической жизни, казалось, что у них хватит все-таки патриотизма для того, чтобы отложить свои партийные счета до окончания войны. Однако действительность показала противное. В первый момент на всех нас нашло самое мрачное отчаяние, так как никто не думал, что правительство без всякого сопротивления отдаст власть. Ясно было, что внутренние беспорядки отзовутся губельно на состоянии фронта, значит, сорвется наступление и еще затянется война. Никто, конечно, не мог себе представить иного окончания войны, кроме победного.

Через два дня пришел Манифест Государя Императора об отречении от престола и Манифест великого князя Михаила Александровича. Командир батареи, не будучи в силах читать эти манифесты солдатам сам, поручил это сделать мне. Прочтя оба манифеста перед строем, я от себя добавил, что 304 года тому назад первый Царь из дома Романовых спас Россию, и теперь ее спасет его правнук, тоже Михаил. Никаких сомнений в том, что Михаил Александрович будет просить Учредительное собрание отдать власть в его руки, у меня не было. Не только мы, но и солдаты наши в то время не могли себе представить Россию республикой. Солдаты молча выслушали оба манифеста. Никто из них никаких восторгов не выражал».

Корнилова тогда, как одного из рядовых генералов-фронтовиков, поразило содержание николаевского манифеста об отречении от российского престола:

«Ставка.

Начальнику штаба

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно

было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной думой, признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть.

Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Завещаем брату нашему править делами государственными в полном единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том нерушимую присягу.

Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

НИКОЛАЙ

г. Псков.

2 марта 15 час. 5 мин. 1917 г.

Министр императорского двора,
генерал-адъютант граф Фредерикс».

Первое время после февральского переворота позиционная жизнь протекала, как всегда, без каких-либо изменений; только почту ожидали с еще большим нетерпением, чем обычно. Все

с жадностью накидывались на газеты, которые каждый день приносили все более и более мрачные новости. С величайшим удивлением узнали мы о существовании Совета рабочих и солдатских депутатов, но никакого значения ему не придали.

Отношения между нами и солдатами не изменились. Перемена была только внешняя: мы старались им говорить «вы», а они тоже старались вместо «ваше благородие» называть нас по чину.

Чтобы как-нибудь оттенить революцию, солдаты решили устроить общее собрание. Как первое собрание, так и все последующие проходили в полном порядке...

К сожалению, в эту зиму на нашем фронте было довольно много заболеваний цингой, и потому у нас была сильная нехватка в людях. Со дня на день мы ожидали пополнения в людях...

Через два дня после прибытия пополнения была назначена присяга Временному правительству. Наша и третья батарея присягали вместе на нашей позиции. Начальство собралось в нашей землянке, когда по телефону доложили, что люди построены. Старший офицер третьей батареи, мой товарищ по училищу (артиллерийскому Константиновскому. — А.Ш.) штабс-капитан Гальстер и я пошли осмотреть людей.

Подходя к позиции, издали заметили сквозь деревья какие-то красные пятна. Подойдя ближе, мы увидели на флангах батарей красные знамена, а у некоторых солдат прикрепленные к груди красные банты. Все это было сделано, конечно, под влиянием прибывшего пополнения. Подойдя к своим батареям, мы приказали убрать знамена, затем обошли фронт и собственноручно снимали со всех красные украшения.

Церемония присяги прошла совершенно гладко. Впечатления она, однако, ни на кого не произвела. Отсутствие креста и Евангелия делали всю эту церемонию ненужной и бутафорской. После прочтения текста присяги все расписались, и на этом все было кончено.

Вскоре после присяги я уехал в отпуск, оставив все наши боевые части в полном порядке. Чем дальше я отъезжал от позиции, тем более и более поражался распущенности тыла...

...Картина развала армии по мере моего продвижения в тыл становилась все ярче и ярче.

Заплеванный семечками и загаженный Петроград, переполненный празднующими солдатами и декольтированными матросами, превзошел самые мрачные ожидания...»

Февральская революция выплеснулась на улицы и площади столицы морем алых флагов и бантов, кровью на истоптанном снегу, пламенем, пожирающим здание Петроградского окружного суда и полицейские участки. Во Временном правительстве забили тревогу: беспорядки в Петрограде перекинулись на многотысячный столичный гарнизон. Последствия могли оказаться самыми непредсказуемыми.

Думские руководители М.В. Родзянко и А.И. Гучков (будущий первый гражданский, военный министр в истории России) пожелали увидеть на посту главнокомандующего войсками Петроградского военного округа популярного среди солдатской массы боевого генерала. Кандидатуры лучше Лавра Георгиевича Корнилова просто не оказалось. Думских деятелей привлекала, кроме того, легендарная храбрость этого военного, по-восточному вежливого человека.

Фактически получалось, что Временное правительство назначало генерала вторично, поскольку в день своего отречения государь-император уже назначил генерал-лейтенанта Корнилова на эту должность.

Перед тем как принять новую должность, Лавр Георгиевич принес присягу на верность Временному правительству. Текст принимаемой воинской присяги гласил:

«Клянусь честью офицера (солдата и гражданина) и обещаюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству как своему Отечеству.

Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию Российского Государства.

Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного собрания.

Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах исключительно интерес государства и не щадя жизни ради блага Отечества.

Клянусь повиноваться всем поставленным надо мною начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда это требует мой долг офицера (солдата, гражданина) перед Отечеством.

Клянусь быть честным, добросовестным, храбрым офицером (солдатом); не нарушать своей клятвы из-за корысти, родства, дружбы и вражды.

В заключение данной мною клятвы осеяю себя крестным знаменем и нижеподписываюсь».

Петроградский военный округ сам по себе был огромной военной структурой. Территориально в него входили столичная, Новгородская, Олонецкая, Архангельская и Вологодская губернии, Финляндия, некоторые уезды Ярославской и Тверской губерний. Численность войск округа на 1 февраля 1917 года составляла почти 640 тысяч человек. Это были различные тыловые части и военные учреждения. Часть из них размещалась на территории соседних военных округов. Штаб округа размещался в Петрограде.

Петроградский гарнизон к февралю, по самым достоверным данным интендантского управления, учитывавший количество едоков, насчитывал 400 тысяч человек. Собственно в городе располагалось около 200 тысяч человек. Помимо самой столицы, части Петроградского гарнизона размещались в близких Кронштадте, Ораниенбауме, Петергофе, Стрельне, Царском Селе, Павловске, Гатчине, Красном Селе. Там стояли, по сути дела, самостоятельные воинские гарнизоны.

Основу Петроградского гарнизона составляли запасные батальоны гвардейских полков (в середине 1917 года они будут развернуты в резервные полки), запасные — пехотные и пулеметные полки, артиллерийские бригады и дивизионы, технические части и подразделения, различные команды, склады огнестрельных припасов, ремонтные мастерские, армейские учреждения, военно-учебные заведения, запасной кавалерийский полк, три Донских казачьих полка.

Особенностью столичного гарнизона, в отличие, скажем, от московского, была значительная прослойка нижних чинов запаса из рабочих. В артиллерии и технических частях, подразделениях броневых автомобилей пролетарская прослойка составляла 46 процентов, а в лейб-гвардии запасных батальонах

24 процента. Это было связано с тем, что призыв из запаса для окружных войск производился на месте. Этим и объяснялось то, что столичный гарнизон так быстро отозвался на лозунги левых партий, в первую очередь — большевиков.

Деятельность нового главнокомандующего столичным военным округом началась с того, что он с группой офицеров по указанию военного министра А.И. Гучкова арестовал в Царском Селе императрицу, теперь уже бывшую Александру Федоровну. Думается, что она с удивлением на лице и с презрением в душе встретила в своем царскосельском дворце известного ей генерала, на груди которого красовались такие различимые Георгиевский крест и красный бант Февраля.

Репортеры многих петроградских газет взяли у Лавра Георгиевича интервью по поводу ареста всероссийской императрицы, теперь уже бывшей. Он сказал, что, по его мнению, арест Александры Федоровны лично им должен произвести на солдатскую массу впечатление полного разрыва нового командования со старым «павшим» режимом. Арестованный последний Романов в это время находился в пути из Могилева в Царское Село.

Так Корнилов, сам того не желая (или желая идти в ногу со временем), «окунулся в российскую политику». Вторым шагом в нее стало собственноручное награждение Георгиевским крестом «за воинскую доблесть» унтер-офицера Т. Кирпичникова, ставшего одним из инициаторов восстания Волынского полка: выстрелом в спину он убил штабс-капитана Лашкевича, командовавшего учебной полковой частью. В 1919 году Кирпичников будет в городе Таганроге опознан белогвардейцами и расстрелян по приказу генерала А.П. Кутепова за измену воинской присяге.

В первые же дни командования столичным военным округом генерал Корнилов столкнулся с трудностями. Думается, что когда Лавр Георгиевич приезжал в эти дни поздно вечером домой, супруга Таисия Владимировна, дочь Наталья и сын Юрий видели на лице мужа и отца «только одни горестные заботы».

Свою жену Лавр Георгиевич называл без тени улыбки «начальницей тыла». Корниловы долгие годы снимали небольшую, тесную квартиру у вдовы чиновника возле Певческого моста.

Здесь они жили во время академической учебы офицера-туркестанца, в 1905 году и последующее время, за исключением времени пребывания в Китае, в Пекине. Корнилов с новым назначением в Петроград отказался от положенной ему по высокой должности казенной квартиры, и семья продолжала снимать давно обжитое скромное жилье. Чем, в общем-то, немало удивляла столичных знакомых.

С каждым днем у генерал-лейтенанта Корнилова возникали все новые и новые серьезные осложнения с выполнением возложенных на него Временным правительством задач. Забегая вперед, можно сказать, что надежды «временных» министров Лавр Георгиевич не оправдал.

Знаменитый «Приказ № 1» Петроградского Совета, который в самое короткое время разложил не только столичный гарнизон, тыловые воинские части, но и фронт, связал по рукам и ногам и Корнилова. Главнокомандующий столичным округом оказался в положении начальствующего человека, который нес за все личную ответственность, но не мог принять какого-либо самостоятельного решения без санкции на то Совета рабочих и солдатских депутатов, находившегося в руках социалистов.

«Приказ № 1» отменял отдавание воинской чести младшим старшим по званию. Отменялось и титулование. Генерал перестал быть «вашим превосходительством». Солдат не являлся больше нижним чином и получал все гражданские права, которыми Февральская революция наделила население Российского государства. Рядовой теперь мог не исполнять приказания офицеров вне службы. И наконец, в «Приказе № 1» говорилось:

«...В своих политических выступлениях воинские части подчиняются Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам».

На третий день своего пребывания в Петрограде новый главнокомандующий попробовал было ополчиться против городского Совета, который был «силой без власти», а Временное правительство — «властью без силы». Он прибыл на заседание специальной комиссии, учрежденной военным министром А.И. Гучковым, которая должна была заняться обсуждением армейских реформ. Официально новый правительственный

орган назывался Особой комиссией по реорганизации армии на демократических началах.

Во главе комиссии — ее председателем был поставлен генерал Алексей Андреевич Поливанов, бывший царский военный министр, участник еще русско-турецкой войны 1877—1878 годов. На посту главы Военного ведомства он сумел преодолеть острый кризис в снабжении фронта вооружением и боеприпасами. При нем (в 1916 году в сравнении с годом 1915-м) производство винтовок увеличилось почти в 2 раза, пулеметов — в 4 раза, патронов — на 70 процентов, артиллерийских снарядов — более чем в 3 раза. Одновременно Поливанов был назначен председателем Комиссии по улучшению быта военных чинов.

Корнилов и попытался через Особую комиссию по реорганизации армии на демократических началах найти управу на Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Он явился на третье заседание этой комиссии, которое проходило 7 марта. То есть на третий день своего пребывания в столице.

Перед Лавром Георгиевичем выступал офицер из британской союзной миссии в России. Он говорил о том, что в его отечестве Оливер Кромвель ввел в армии крайне суровую воинскую дисциплину. Англичанин привел и другой пример наведения воинского порядка: французские революционные войска очень скоро вообще отказались от комитетов как несовместимых с жизнью армии, да еще к тому же воюющей.

«В разгар заседания в зал вошел Корнилов, сел за стол возле Поливанова и стал внимательно слушать. Говорил представитель Совета эсер В. Утгоф. Он обратил внимание англичанина на то, что все это произошло тогда, когда с революциями в Англии и во Франции уже было покончено; русская же революция продолжается, да и к тому же русская армия сама завоевала себе свободу.

В этот момент Корнилов резко поднялся. Желваки ходунном ходили на скулах, обтянутых обветренной коричневатой кожей. Он отрывисто произнес:

— Я только что закончил объезд всех частей. И должен сказать, что последние находятся в состоянии полного разложения... Поэтому я и пользуюсь случаем видеть здесь, в комиссии, представителей армий фронта, чтобы сказать им и успо-

сказать им, что мною принято решение в ближайшие дни начать вывод частей Петроградского гарнизона на фронт и замену их в Петрограде частями с фронта, уже заслужившими отдых и более дисциплинированными. Вот что я хочу сказать.

Тут же поднялся Утгоф. Обращаясь к Корнилову, он заявил:

— Эти слова нас удивляют. Войска гарнизона выведены быть не могут... Они отсюда не уйдут! Силу же применять мы не позволим!

Бешеные огоньки запрыгали в глазах Корнилова. Он почти выкрикнул:

— Кто это мы!?

— Мы, Совет рабочих и солдатских депутатов!

Корнилов ничего не ответил и, попрощавшись с Поливановым, ушел».

Военная организация, основанная на единоначалии, «Приказом № 1» Петроградского Совета разрушалась однозначно. В русской армии устанавливался новый тип взаимоотношений между подчиненными и начальниками. В истории уже не раз случалось, что узаконенное двоевластие рушило «душу» армии, обрекало ее на гибель как государственную структуру. Один из самых ярких тому примеров есть Россия образца 1917 года.

После издания Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов «Приказа № 1», из столицы на фронты были отправлены «толпы военных агитаторов». Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев попытался было с ними бороться, предложив Временному правительству закрыть границы Петроградского военного округа и ввести строгую систему разрешений на выезд за его пределы. Но глава Ставки получил отказ: кабинет «временных» не решился пойти на открытый конфликт с Петроградским Советом.

Военный и морской министр Александр Иванович Гучков, популярный среди людей военных своим добровольным участием в англо-бурской войне, телеграфировал в Ставку (телеграмма затем была разослана на фронты. Она была получена и Л.Г. Корниловым) следующее указание по «пресечению подрывной деятельности военных агитаторов» из столицы:

«Временное правительство вполне сознает необходимость сохранения единой целой армии, которая только при соблюдении дисциплины может одержать победу над врагом. Бороться с различными агитаторами, проникающими в армию, следует не силой оружия. Дать точные указания о способе действий в отдельных случаях не представляется возможным, все зависит от личного такта и умения местных начальников.

Во всяком случае, главной целью является успокоение армии и народа мирным способом, а не применением репрессий. Со своей стороны, Временное правительство принимает все меры к введению в стране спокойствия и порядка на новых началах взаимного доверия, в соответствии с чем издаются и будут издаваться от имени правительства различные акты и объявления...

Военный министр Гучков».

Начался развал русской армии как воинского боевого организма. Резко упали воинская дисциплина и исполнительность, особенно в тыловых и запасных частях. Участились случаи коллективного неповиновения при получении приказа отправки на фронт резервных войск. Неповиновение командирам в офицерских погонах и неисполнение их приказов охватило даже фронтовиков.

Обеспокоенные все возрастающим потоком сообщений о подобных фактах, «временный» А.И. Гучков и генерал М.В. Алексеев выступили с совместным воззванием к войскам на фронте и в тылу. В нем, среди прочего, говорилось:

«...Временное правительство решительно заявляет, что признает глубоко прискорбными и совершенно недопустимыми всякие самоуправные и оскорбительные действия в отношении офицеров, геройски сражавшихся за Родину, без содействия которых невозможно укрепление нового строя.

...Только обладая полнотой власти, в мере полноты доверия может оно (Временное правительство. — А.Ш.) выполнять свой святой долг.

Многовластие вызовет неизбежно паралич власти и снова приведет страну к тяжелой и грозной разрухе.

И пусть тяжкая ответственность перед Родиной и историей падет на тех, кто станет в этом деле помехой Временному правительству...»

На фоне всех этих событий и сформировались политические устремления генерала Л.Г. Корнилова, с болью в сердце видевшего развал не только государства, но и его армии. Современник Корнилова В.Б. Станкевич отмечал в своих воспоминаниях о событиях 1917 года следующее:

«В Исполнительном комитете он говорил, что против царского режима. Я не думаю, чтобы Корнилов унизился до притворства. Несомненно, он сочувствовал реформаторским стремлениям. Но также несомненно, что он не был демократом, в смысле предоставить власть народу: как всякий старый военный, он всегда был подозрительно настороже по отношению к солдату и «народу» вообще: народ славный, что и говорить, но надо за ним присматривать, не то он избалуется, распустится. Против царского строя он был именно потому, что власть стала терять свой серьезный, деловитый характер. Хозяин был из рук вон плох, и нужен был новый хозяин, более толковый и практичный».

Справедливости ради следует заметить, что новый главнокомандующий столичным военным округом не раз пытался добиться компромисса в отношениях с Петроградским Советом. И прежде всего наладить рабочий контакт с председателем его исполкома социалистом-революционером Николаем (Карло) Семеновичем Чхеидзе. Однако будущий председатель меньшевистского правительства Грузии, ставший в 1921 году политическим эмигрантом, открыто не проявлял желания иметь рабочие отношения с генералом Корниловым.

Подобную позицию во взаимоотношениях с Лавром Георгиевичем занимали и два товарища (заместителя) председателя исполкома — эсер А.Ф. Керенский и меньшевик М.И. Скобелев. Они не раз накладывали свое «вето» на корниловские приказы по столичному гарнизону, даже не пытаясь вчитаться в них и осмыслить содержание.

Когда тот же Александр Федорович Керенский станет сперва военным и морским министром, а потом главой Временного правительства — его министром-председателем, он лично столкнется с противодействием Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, его исполкома во главе с Чхеидзе, товарищем по партии социалистов-революционеров.

И совсем плохи взаимоотношения правительства Керенского с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов станут с приходом 9 сентября 1917 года на пост председателя его исполкома Льва Троцкого (Бронштейна). Предводитель «межрайонцев», небольшой политической организации, имевшей вес только в столице и не далее ее, вступив в ряды партии большевиков, станет одним из ее лидеров. Он и поведет питерский Совет на бескомпромиссную борьбу с «временными».

Керенский пытался было изолировать Троцкого, отдав личное распоряжение о его аресте. Но сразу же «одумался». Когда посланный для ареста Троцкого офицер с сопровождающими его лицами прибыл на его квартиру, то обнаружил в ней самого... Керенского. Александр Федорович тут же отменил санкционированный им же арест, сделав тем самым популярный политический жест.

Генерал Корнилов на новой должности сразу ощутил реальное двоевластие в стране — Временного правительства и Петроградского Совета, рассылавших свои резолюции по всей России и по всем фронтам и флотам. Он воочию убедился, что тот и другой путаются в собственных распоряжениях. Никто их толком не исполнял и даже не собирался исполнять. Кругом царила настоящая анархия, грозившая захлестнуть собой Русский фронт.

В воинских частях Петроградского округа дисциплина упала до нуля. Никто не желал нести службу должным образом, офицерам за уставную требовательность грозила смерть от своих же подчиненных солдат, которые позволяли командовать ими только ротным и полковым комитетам. Подобные самосуды уже имели место, хотя до распропагандированного Кронштадта и Балтийского флота столичному гарнизону было «далеко». Весь быт воинских частей, расквартированных в Петрограде и его ближних окрестностях, олицетворяли открытые для любых левых агитаторов двери солдатских казарм, беспрестанные митинги и пьянство, которое никем не пресекалось. Столичная комендатура давно не работала.

Теперь гарнизонным офицерам, в своем большинстве прошедшим через фронтовую жизнь, да и самому главнокомандующему округом, было очень трудно подчинить своей командирс-

кой воле и держать в повиновении массу вооруженных людей. Когда Корнилов попытался навести порядок в столичном гарнизоне, используя для этого юнкеров «надежного» Михайловского артиллерийского училища против разгулявшихся тылови-ков, из Петроградского Совета его незамедлительно одернули:

«Нельзя — ведь у нас свобода! В России — революционная демократия...»

Лавр Георгиевич, прекрасно понимавший всю сложность «столичной» ситуации и свою незавидную роль писал в те дни с возмущением и осознанием своей бессильности как начальника гарнизона Петрограда:

«Никто не желал нести службу, дисциплина упала до нуля, офицеры не могли сказать слова без риска угодить на штыки. Митинги и пьянство — вот что составляло быт Петроградского военного округа. Двоевластие — Петросовет и Временное правительство путаются в собственных распоряжениях, никто не желает исполнять их...»

Корнилова, среди прочего, сильно беспокоило наличие рядом со столицей революционного Кронштадта, который уже давно вышел из подчинения Временному правительству. Оно понимало, какую опасность для него несет главная морская крепость флота Балтийского моря. Поэтому еще 27 марта кабинет «временных» изъял Кронштадтскую крепость из ведения Морского ведомства, включив ее в Петроградский военный округ с подчинением непосредственно окружному главнокомандующему генералу Л.Г. Корнилову.

2 апреля Корнилов самолично посетил Кронштадт. Там он устроил смотр крепостному гарнизону, призывая революционных кронштадтцев подчиниться Временному правительству. Но из этой поездки «народного героя» на остров Котлин ничего путного не вышло.

Все же Керенский и его окружение, сам Корнилов до последних дней до «корниловского мятежа» не теряли надежды ликвидировать «законным путем» кронштадтское осиное гнездо. Такой план был представлен на одобрение Ставки 23 августа. Его автором был начальник Морского штаба Верховного главнокомандующего вице-адмирал А.С. Максимов. 25 августа генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов отдал следующее предписание:

- «1. Крепость Кронштадт упразднить.
2. Сухопутный гарнизон весь вывезти на материк, применив, в случае отказа добровольно подчиниться этому, принудительную силу.
3. Пехотные части гарнизона расформировать, отправив офицеров в строевые части фронта, солдат — в запасные полки.
4. Оставить артиллерийское вооружение на батареях Риф, Обручев и батареях, обороняющих южный фарватер; вооружение остальных батарей снять и обратить на усиление батарей районов Биоркэ, Ино, Красная Горка и тыла.
5. Расформировать 1-й Балтийский экипаж и вывести на позиции школы и команды».

Разумеется, что это корниловское распоряжение, одобренное Керенским и правительством, в той обстановке вполне могло быть не могло. Кронштадтской крепостью с ее многочисленным гарнизоном, флотом Балтийского моря командовал матросский Совет — Центробалт. Он не терпел никакого правительственного вмешательства в «свои дела»...

Лавр Георгиевич, как человек военный, пытался разобраться в механизме тех политических процессов, которые происходили в российской столице. Например, немалое удивление вызвали у него длинные очереди за хлебом, который поступал в магазины и даже в воинские части с большими перебоями. Естественно, это вызывало крайнее возмущение людей. Но не против Петроградского Совета, а против Временного правительства.

Когда Лавр Георгиевич приказал доложить ему о состоянии хлебных запасов в столице, то получил интересную информацию, которая, среди прочего, наталкивала на грустные размышления. Оказалось, что только на одной Калашниковской бирже запасов муки имелось свыше 450 тысяч пудов. На подходе к Петрограду находилось 12 эшелонов с мукой из Таврической губернии... То есть громадный город с самым большим в России воинским гарнизоном был обеспечен хлебом, как минимум, до мая месяца...

В апреле Корнилов выступил с предложением применять вооруженную силу для подавления антиправительственных и антивоенных выступлений, в том числе и на фронте. «Времен-

ные» министры откровенно испугались такого радикального предложения генерала и не поддержали его.

Корнилов стал одним из главных действующих лиц так называемого Апрельского кризиса. В ответ «на ноту Миллюкова», заверявшего союзников России по Антанте, что война будет вестись до победного конца, левые партии в столице нанесли по Временному правительству «ответный удар». 20 апреля в Петрограде начались многолюдные демонстрации с участием частей гарнизона. Они проходили под лозунгами: «Долой войну!», «Долой захватную политику!», «Вся власть Советам!»

Главкомандующий войсками столичного округа, ободренный «контрдемонстрациями», пошел на немалый риск. Он распорядился вызвать к Зимнему дворцу, на Дворцовую площадь, надежные воинские части гарнизона.

Такое корниловское распоряжение не на шутку встревожило Петроградский Совет. Председатель его исполкома эсер Чхеидзе имел разговор с Корниловым и заверил генерала в том, что Совет сам справится с обострившейся ситуацией и примет должные меры «к успокоению населения города». На этом конфликт (но только на те дни) был исчерпан. Лавр Георгиевич отменил свой приказ о выводе войск на Дворцовую площадь.

В деникинских мемуарах говорится, что Корнилов к тому времени окончательно убедился в «неизбежности жестокой расчистки Петрограда». У него нашлось немало приверженцев такого радикального решения по нейтрализации, приведению в порядок столичного гарнизона. Они говорили, что «слишком долго идет пасхальный перезвон вместо того, чтобы сразу ударить в набат».

Во второй половине марта Корнилов окончательно убедился, что к числу его самых преданных и деятельных единомышленников относится генерал-лейтенант Крымов, ставший командиром 3-го конного корпуса. Он уже передал командование Уссурийской казачьей дивизией генерал-майору П.Н. Врангелю, который до этого командовал бригадой этой же дивизии. Крымов имел близкие отношения с военным министром Временного правительства А.И. Гучковым, что было немаловажно. Тот сделал начальником своего кабинета пол-

ковника Самарина, начальника штаба крымской Уссурийской дивизии.

Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, и лично его председатель Чхеидзе решили вообще лишить (!) главнокомандующего столичным военным округом власти над петроградским гарнизоном. 22 апреля в газетах на первой полосе появилось воззвание исполкома Петросовета. В нем говорилось, что только ему, исполкому, вообще принадлежит право «располагать» войсками гарнизона и «устанавливать порядок вызова воинских частей на улицу».

Такое «законодательное» решение исполкома Петроградского Совета ставило главнокомандующего военным округом в безвыходное положение. Лавр Георгиевич понял, что «войну» с городским Советом он проиграл окончательно.

На пути от Февраля к Октябрю Россия теряла свою армию, и неумолимо скатывалась в пропасть. 23 апреля генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов направляет военному министру генералу М.А. Беляеву (находившемуся в этой должности всего два месяца) рапорт с настоятельной просьбой вернуть его в действующую армию. Но ответить на него Беляев не успел: он отрешался от занимаемой должности.

Корниловский рапорт был до предела политичен и ясен кабинету «временных» министров. В нем говорилось с горечью и откровенностью:

«Находя, что таковым обращением Исполнительный комитет принимает на себя функции правительственной власти и что я при таком порядке никоим образом не могу принять на себя ответственность ни за спокойствие в столице, ни за порядок в войсках, я считаю необходимым просить Вас об освобождении меня от исполнения обязанностей главнокомандующего войсками Петроградского военного округа...»

Этот рапорт рассматривал уже новый военный министр Временного правительства А.И. Гучков. Он, ценивший личность Корнилова, счел целесообразным назначить генерала с прекрасной боевой репутацией на должность главнокомандующего армиями Северного фронта, освободившуюся после увольнения генерала Н.В. Рузского.

Против такого решения военного министра категорически воспротивился Верховный главнокомандующий генерал Ми-

хаил Васильевич Алексеев. При этом он ссылался на недостаточный командный стаж Корнилова:

«...Неудобство обходить старших начальников — более опытных и знакомых с фронтом, как, например, генерал А. Драгомиров».

Между могилевской Ставкой и Петроградом завязалась активная телеграфная «переписка». Когда генералом М.В. Алексеевым был получен уже официальный запрос о возможности назначения Корнилова на должность главнокомандующего армиями Северного фронта, то он ответил «временным» следующей телеграммой достаточно резко:

«Назначение генерала Корнилова неприемлемо:

1) подрывает в корне общие основы иерархических взаимоотношений;

2) вызовет обиду в старших заслуженных начальниках;

3) боевые заслуги Драгомирова и Корнилова одинаковы, но у первого есть опыт командования крупными частями, у второго нет;

4) на Севфронте более важен авторитет среди его войск, которым пользуется Драгомиров, чем среди Петроградского гарнизона.

Армию Корнилов может получить любую.

Главковерх Алексеев.
№ 3241».

Временное правительство, посоветовавшись, приняло во внимание мнение Верховного Главнокомандующего. Да еще к тому же такого авторитетного человека среди российского генералитета и офицерства.

Поэтому 29 апреля 1917 года генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов получил назначение только на должность командующего 8-й армией Юго-Западного фронта, которым командовал тогда генерал А.А. Брусиллов. Корнилов менял на посту командующего армией генерала Алексея Максимовича Каледина, который в самом конце того же 1917 года станет организатором антибольшевистского сопротивления на территории Донского казачьего войска, став его наказным атаманом.

Как отреагировал Петроградский Совет на «убытие» Корнилова из окружного штаба на фронт? Только 30 апреля в ряде столичных газет в потоке самой разнообразной информации промелькнуло сообщение размером всего в две-три строки убогистого текста:

«Вчера стало известно, что генерал покидает свой пост командующего Петроградским военным округом».

К этому можно добавить еще и многозначительную публикацию известного журналиста С. Любоша в газете «Биржевые ведомости», который успокаивал своих читателей, сторонников революции и демократии:

«К счастью нашему, в стане естественных врагов революции нет ни одной крупной, сильной фигуры, которая могла бы возглавить контрреволюцию...».

Вне всякого сомнения, этот революционный публицист не имел дара анализировать происходящие события. В противном случае он, вне всякого сомнения, мог бы увидеть в генерале Корнилове сильную личность, внутренне готовую поднять белое знамя контрреволюции и начать в России Гражданскую войну. Чтобы победить в ней или погибнуть с честью.

К тому времени у Лавра Георгиевича появился 42-летний ординарец, доброволец, инженер Василий Завойко с образованием в объеме Царскосельского лицея, сын известного адмирала В.С. Завойко, имя которого нанесено на географической карте Мирового океана и который прославился героической обороной Петропавловска-Камчатского в ходе Крымской (или Восточной) войны 1853—1856 годов.

Завойко-младший был человеком несомненных авантурных способностей: в ходе земельных махинаций по продаже польских земель он стал крупным помещиком в приграничной Подольской губернии. Февраль 1917 года застал его на нобелевских нефтяных промыслах в должности директора-распорядителя компании «Эмбо и Каспий». Был он и заместителем председателя правления коммерческого Средне-Азиатского общества «Санто». В начале апреля Завойко был уже в Петрограде, где занялся журналистской деятельностью, организовав собственное издательство «Народоправная Россия».

Доброволец Первой мировой войны Завойко, получивший известность еще и тем, что однажды попытался вместе с же-

ной записаться в крестьянское сословие, отлично владел пером. После Февральской революции он начал издавать в Петрограде еженедельный журнал «Свобода в борьбе», являясь еще и соиздателем газеты «Русская воля». Генералу Корнилову нравились его смелые публикации. Он нашел в этом столичном литераторе своего единомышленника.

Вскоре доброволец 2-го Дагестанского конного полка В.В. Завойко стал ординарцем главнокомандующего Петроградским военным округом. Лавр Георгиевич поручал ему составление тех служебных документов, которые требовали литературного, публицистического изложения. Естественно, что Завойко определял и их политическое содержание. Вскоре он стал в буквальном смысле правой рукой генерала, начал «рекламировать» Корнилова по всей стране, и особенно в армии.

Примером литературно-пропагандистской деятельности добровольца Завойко может служить такая публикация (одна из первых «фронтовых»). Авторство ее принадлежит одному из офицеров разведывательного отделения штаба 8-й армии капитану Неженцеву:

«Знакомство нового командующего с личным составом началось с того, что построенные части резерва устроили митинг и на все доводы о необходимости наступления указывали на ненужность продолжения «буржуазной» войны, ведомой «милитарищиками»...

Когда генерал Корнилов после двухчасовой бесплодной беседы, измученный нравственно и физически, отправился в окопы, здесь ему представилась картина, какую вряд ли мог предвидеть воин любой эпохи. Мы вошли в систему укреплений, где линии окопов обеих сторон разъединялись, или, вернее сказать, были связаны проволочными заграждениями...

Появление генерала Корнилова было приветствуемо... группой германских офицеров, нагло рассматривавших командующего русской армией. За ними стояло несколько прусских солдат...

Генерал взял у меня бинокль и, выйдя на бруствер, начал рассматривать район будущих боевых столкновений. На чье-то замечание, как бы пруссаки не застрелили русского командующего, последний ответил:

«Я был бы бесконечно счастлив — быть может, хоть это отрезвило бы наших солдат и прервало постыдное братание».

На участке соседнего полка командующий армией был встречен... бравурным маршем германского егерского полка, к оркестру которого потянулись наши «братальщики» — солдаты. Генерал со словами: «Это измена!» повернулся к стоявшему рядом офицеру, приказав передать «братальщикам» обеих сторон, что, если немедленно не прекратится позорнейшее явление, он откроет огонь из орудий.

Дисциплинированные германцы прекратили игру... и пошли к своей линии окопов, по-видимому, устыдившись мерзкого зрелища. А наши солдаты — о, они долго еще митинговали, жалуясь на «притеснения контрреволюционными начальниками их свободы»...

Перу Завойко принадлежала и такая имевшая широкое хождение работа, которая имела чисто пропагандистское название: «Первый народный главнокомандующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов». Для своего времени это было широко популярное издание для народного чтения.

Корниловский ординарец, не имевший офицерского звания, действительно обладал хорошим журналистским пером и был известным в печати публицистом. Сам Лавр Георгиевич отзывался о писательском таланте Завойко очень высоко.

«Он отлично владеет пером, поэтому я поручал ему составление тех приказов и тех бумаг, где требовался особенно сильный, художественный стиль...»

В должности главнокомандующего Петроградским военным округом Корнилов постоянно конфликтовал с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, который то подтверждал приказы командующего войсками столичного округа, то «аннулировал» их. Естественно, так долго продолжаться не могло, поскольку Лавр Георгиевич был противником всякой дезорганизации в военном деле.

К тому времени Корнилов имел тесные связи в офицерских кругах Петроградского гарнизона. Там оказалось много сторонников его взглядов на ситуацию, на состояние русской армии и Восточного фронта. Дело неумолимо шло к развалу и армии, и фронта, и государства. Поэтому Корнилов стремился консолидировать здоровые силы в армии, что-

бы избежать надвигающейся катастрофы. И в этом он не был одинок.

Командующий белой русской армией в Крыму генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель оставил после себя в белой эмиграции мемуары. В своих «Записках» он рассказывает о том, как Корнилов, после своего убийства на фронт, поддерживал связи со столицей:

«...Неожиданно, в первых числах мая, генерал Корнилов, окончательно разойдясь с Советом, оставил свой пост. Он принял только что освободившуюся 8-ю армию, стоявшую на границе Галиции. Среди имен его заместителей некоторые называли имя генерала Лечицкого, однако генерал, по слухам, отказался от назначения. Я решил поехать к нему. Я знал генерала Лечицкого еще с Буковины. Уссурийская дивизия входила в состав его армии, и я был с ним лично достаточно знаком.

Генерал Лечицкий жил в Северной гостинице, против Николаевского вокзала. Я просил его принять меня, и он назначил мне в тот же вечер время для разговора. Я изложил ему все мои мысли, сказал о том, что удалось мне с графом Паленом сделать за последнее время и, упомянув о том, что знаю о сделанном предложении стать во главе Петербургского военного округа, предложив использовать нашу работу (по сбору сил корниловцев. — А.Ш.); при этом в виду ожидаемого моего отъезда в армию я рекомендовал ему графа Палена.

«Все, что вы говорите, — совершенно верно», — сказал мне генерал Лечицкий, — «мы все так думаем. Но я заместителем генерала Корнилова не буду. Я и из армии ушел, так как не мог примириться с новыми порядками. Я старый солдат. Здесь же нужен человек не только твердый и честный, но и гибкий. Кто-либо более молодой будет, вероятно, подходящее».

Зная генерала Лечицкого, я не сомневался, что он не изменит своего решения.

Заместителем генерала Корнилова был назначен начальник штаба Туземной дивизии, генерал Половцев.

В виду отхода генерала Лечицкого от всякой деятельности я решил, несмотря на оставление генералом Корниловым чрезвычайно выгодного для намеченного нами дела, поста главнокомандующего Петербургским военным округом, все же

войти с ним в связь. Другого лица, кроме генерала Корнилова, подходящего для намеченной мною цели, я, среди старших военачальников, найти не мог.

Генерал Корнилов, уехав в армию, продолжал поддерживать связь с целым рядом лиц в Петербурге. Связь эту он поддерживал через близкого своего ординарца Завойко. Завойко, бывший помещик, кажется Подольской губернии, последние годы до войны, разорившись на хозяйстве, занимался финансовыми делами. Он был управляющим нефтяной фирмы братьев Лианозовых, директором и членом правления целого ряда коммерческих предприятий. После переворота он, оставив дела, занялся политической работой. Последнее время, зачислившись в ряды армии, состоял ординарцем при главнокомандующем Петербургским военным округом, а с назначением генерала Корнилова командующим армией последовал за ним.

Узнав о приезде Завойко в Петербург, я, через работающего со мной и Паленом поручика П.П. Шувалова, вошел с ним в связь. Мы условились встретиться на квартире Завойко, жившего в то время на Фонтанке, у Семеновского моста. Я приехал с графом Паленом и графом Шуваловым. Завойко произвел на меня впечатление весьма бойкого, неглупого и способного человека, в то же время в значительной степени фантазера. Мы говорили очень мало, почти все время говорил сам Завойко. С моими мыслями он согласился с первых слов. По его словам, также смотрел на дела и генерал Корнилов.

В конце разговора Завойко предложил нам прочесть выпускаемую им в печать краткую биографию генерала Корнилова, корректура которой была прислана ему для просмотра. Биография эта вскоре появилась в армии. Мы условились о дальнейшей связи.

С тех пор я несколько раз видел Завойко во время его приездов в Петербург. Как-то раз, зайдя к нему, я увидел сложенные в углу какие-то разноцветные флаги. На мой вопрос, что это такое, он сообщил мне, что армия готовится к наступлению, что армия генерала Корнилова должна вторгнуться в пределы Галиции. Надписи на замеченных мною флагах — призыв славянским народам Карпато-России к восстанию против австрийского ига, в борьбе за свободу, которую несет им

армия русского генерала Корнилова. Надписи были на языках местных галицийских народностей. В этом заказе знамен, в этих надписях, сказался весь Завойко...

Предстоящий переход в наступление скоро перестал быть секретом как для широкой публики, так и для врага. Новый министр «революционной армии» Керенский непрерывно метался на фронте, произносил истерические речи и призывал «революционные войска спасти завоевания революции». Маршевые пополнения шли на фронт, неся красные плакаты с призывами. «война до победного конца», «все на фронт», «лучше смерть, чем рабство» и т.д. Несмотря на «революционный порыв», эти маршевые пополнения, большей частью, разбежались по дороге.

В середине июня я получил телеграмму за подписью дежурного генерала 8-й армии, полковника графа Гейдена, коей испрашивалось согласие мое на назначение меня «впредь до освобождения дивизии» командиром бригады 7-й кавалерийской дивизии. Я ответил согласием. Однако проходили дни, все более и более приближался час перехода армии в наступление, а приказа о назначении не было.

18 июля армии Юго-Западного фронта атаковали противника. 8-я армия генерала Корнилова вторглась в Галицию, фронт противника был прорван, наши войска овладели Галичем и Станиславом. Казалось, после долгих месяцев, победа вновь озаряла русские знамена.

Наконец 30 июля я получил телеграмму о назначении меня командующим, но не бригадой, а 7-й кавалерийской дивизией. Через день я выехал в Каменец-Подольск...»

Барон П.Н. Врангель еще летом 1917 года задумался о том, что пора спасти Россию путем военного переворота. Но для этой цели был нужен авторитетный лидер в армии, на фронте. Врангелевские «Записки» свидетельствуют, что ставка делалась на генерала Корнилова.

Для этой цели не подходил, например, такой известный военачальник, как генерал Платон Алексеевич Лечицкий. Сын священника, участник Китайского похода 1900—1901 годов, Русско-японской войны 1904—1905 годов, кавалер орденов Святого Георгия 4-й и 3-й степеней, успешно командовавший ударной группой и армией на Юго-Западном фронте.

те, он не мог «тягаться» в популярности с Корниловым. После Октября отставной генерал пошел служить добровольно в Красную армию и служил в Петроградском военном округе. Впоследствии был арестован и умер в одной из московских тюрем.

Иными словами, к концу своего пребывания на посту главнокомандующего Петроградским военным округом генерал Л.Г. Корнилов уже фактически стал лидером тех сил в рядах русской армии, которые стояли за старую Россию. За монархию, за «единое и неделимое» российское Отечество. За спасение русской армии с ее славным боевым прошлым от окончательного развала.

Пройдет совсем немного времени, чуть больше полугода, и Лавр Георгиевич Корнилов станет общепризнанным военным вождем Белого движения. Или, как писали о нем в большевистских газетах, — «идейным вождем контрреволюции».

Как впоследствии описывали деятельность Лавра Георгиевича Корнилова летом 1917 года люди, лично знавшие его? Как военачальника, причастного к внутривластной политической жизни? И в первую очередь его недоброжелатели. Для этого можно обратиться к книге Е.И. Мартынова «Корнилов. Попытка военного переворота»:

«...Переходя к характеристике Корнилова, следует прежде всего отметить, что, отличаясь упорным трудолюбием и большой самоуверенностью, он по своим умственным способностям был заурядным средним человеком, лишенным широкого кругозора. Он никогда не был в состоянии объять всю сложную обстановку современной войны и даже не всегда мог охватить в целом одну стратегическую операцию. К тому же ему недоставало организаторского таланта, а по запальчивости и неуравновешенности своего характера он был вообще мало способен к планомерным действиям.

При таких данных Корнилов не годился для занятия высших военных должностей; он мог быть начальником дивизии, самое большее командиром корпуса, да и то при условии особенно твердого руководства, которое своевременно останавливало бы его постоянные центробежные стремления.

Брусиллов, бывший начальник Корнилова, наблюдавший всю его боевую деятельность во время мировой войны, дает

ему еще более строгую аттестацию: «Это начальник лихого партизанского отряда — и больше ничего».

В области политики Корнилов являлся совершенным профаном. До своего неожиданного вмешательства в государственные дела он был узким военным специалистом, мало интересовавшимся общими вопросами. В революционном водовороте, охватившем Россию, он даже не замечал господствовавшего течения — борьбы классов, а видел лишь слабость правительственной власти и происходившую от этого распушенность народных масс. Он весьма плохо разбирался в скрещивающихся интересах различных слоев русского общества, не знал ни партийных группировок, ни отдельных политических деятелей.

Выступая на историческую сцену со столь легким политическим багажом, Корнилов, очевидно, нуждался в чьем-либо руководстве. Таким руководителем при нем, своего рода ментором по всем государственным делам, сделался некий Завойко, пользовавшийся среди лиц, близко знавших его, репутацией темной личности...»

Глава 8

КОМАНДУЮЩИЙ 8-Й БРУСИЛОВСКОЙ АРМИЕЙ. НАСТУПЛЕНИЕ. ОТСТУПЛЕНИЕ

В первых числах мая 1917 года генерал Корнилов прибыл из столицы на Юго-Западный фронт. Вступив в должность командующего Брусиловской армией, он начал готовить ее к

летнему (июньскому) наступлению. Лавр Георгиевич, находясь в столице, был знаком с подоплекой подготовки этой операции, от успешного проведения которой зависело положение Временного правительства и «лицо» России среди держав Антанты.

К апрелю этого года военный перевес Антанты над союзом Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции стал еще более значительным, поскольку в войну вступили США. Но вернемся немного назад. На межсоюзной конференции, проходившей в ноябре 1916 года во французском городке Шантийи, было решено провести на Западном и Восточном фронтах крупные наступательные операции. Они должны были быть согласованы по времени. Такой замысел был рожден в штабах армий Франции и Великобритании. На Западе военная кампания сводилась в основном к борьбе на истощение неприятеля, на Востоке роль главного поставщика «пушечного мяса» отводилась, естественно, России.

Представитель России на конференции в Шантийи Н.Н. Десино докладывал в могилевскую Ставку Верховного главнокомандующего следующее:

«Все возражения и поправки (российской делегации. — *А.Ш.*) принимались Жоффром (маршалом Жозефом-Жаком-Сезаром Жоффром, французским «главнокомандующим армиями Севера и Северо-Востока». — *А.Ш.*) крайне неохотно, и он тотчас переходил к следующим вопросам...

Мое впечатление такое, что англичане и французы ведут свою отдельную линию, направленную на оборону своих государств с наименьшей потерей войск и наибольшим комфортом, стараясь все остальное свалить на наши плечи и считая, что наши войска могут драться даже без всего необходимого. Они для нас не жертвуют ничем, а для себя требуют наших жертв и при том считают себя хозяевами положения».

После конференции Ставка Верховного главнокомандующего русской армией довела до сведения главкомов Северным, Западным, Юго-Западным и Румынским фронтами ее результаты и предложила им подготовить свои предложения о плане предстоящего наступления. Такой план был составлен к концу января 1917 года и утвержден императором Николаем II. Главный удар предстояло наносить армиям Юго-Западного

фронта. Румынскому фронту предписывалось в ходе наступления захватить Добруджу. Северный и Западный фронты наносили вспомогательные удары.

Антанта настаивала на том, чтобы русская армия перешла в наступление не позднее 1 апреля. Однако для России этот срок был не реален. Ее войска нуждались очень во многом, в том числе и в 35 тысячах артиллерийских орудий, из которых около 16 тысяч предполагалось получить от союзников. Но союзники отказали России в военных поставках в объеме 10,5 млн тонн, урезав их до 3,4 млн тонн. Февральская революция срок возможного наступления русской армии отодвинула еще дальше.

Временное правительство сразу же взяло курс на продолжение войны. Но воевать означало — наступать. Тем более что союзники России по Антанте настоятельно требовали проведения широкомасштабной наступательной операции в самое ближайшее время. В Лондоне заявляли, например, что «чем скорее начнутся военные действия, тем лучше будет для внутреннего положения» России.

Глава американской специальной миссии в Петрограде Э. Рут в беседе с сотрудником «Нового времени» заявил, что победа на фронте и укрепление положения правительства — это две стороны единой задачи».

Все это высший русский генералитет, в том числе и Л.Г. Корнилов, знали сами. Ставший начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А.И. Деникин регулярно отправлял в штабы фронтов соответствующую информацию для ознакомления командного состава. Корнилов был знаком и с такого рода сообщениями о замыслах союзных держав Антанты относительно России, охваченной после февраля революционным брожением.

В апреле в могилевскую Ставку пришли два секретных сообщения из Берна от временного поверенного в делах России в Швейцарии. В первом из них сообщалось, что между правительствами Франции, Великобритании, Италии и Японии состоялся обмен мнениями о дальнейших действиях в случае неспособности русской армии осуществить крупную наступательную операцию. Предполагалось, что если Россия не сможет или не захочет организовать наступление, то Япония пошлет на ев-

ропейский театр миллионную армию и будет вести войну до полного поражения Германии. За это Россия должна была «уступить» по волеизъявлению своих союзников Японии ни много ни мало, как огромный по территории Уссурийский край. В случае успеха такой комбинации, говорилось в сообщении, окончание войны ожидалось не позже осени 1917 года.

Во втором донесении из швейцарской столицы сообщалось, что если Россия заключит с Германией, Австро-Венгрией и их союзниками сепаратный мир, то Япония нападет на вышедшую из Первой мировой войны Россию.

Поэтому подготовка к июньскому наступлению имела больше политических мотивов, чем чисто военных. Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал В.И. Гурко (Ромейко-Гурко) в телеграмме в могилевскую Ставку свое мнение на сей счет высказывал вполне определенно:

«Мы обязаны оказать союзникам активную помощь, и только в этом случае мы можем требовать от них выполнения взятых на себя обязательств. Если же они увидят нашу неспособность к активным действиям, если они придут к сознанию, что наше государственное расстройство сделало армию и страну небоеспособными, то они будут считать себя свободными от принятых по отношению к нам обязательств».

Союзники в кампании 1917 года первыми начали наступательные действия. В истории оно получило название по имени нового французского главнокомандующего — «бойня Нивеля». Французы потеряли убитыми и ранеными 180 тысяч человек, англичане — 160 тысяч человек. Потери германской армии составили 163 тысячи человек. Велики оказались потери сторон в пушках и другом армейском вооружении.

Теперь очередь была за Россией. Союзники со все возрастающей настойчивостью стали добиваться от Временного правительства большого наступления на Востоке. Но весной 1917 года высшее русское командование впервые за годы войны столкнулось с массовыми отказами солдат продолжать войну. Огромные потери, неудачные боевые операции, нехватка вооружений и обмундирования привели к небывалому росту антивоенных выступлений в армии. Они выражались в массовых братаниях с неприятелем, в отказах выполнять приказы командиров и в дезертирстве.

Последнее было новым явлением в трехвековой истории русской регулярной армии, начиная с петровских времен. По подсчетам белоэмигранта генерала Н.Н. Головина, число дезертиров из действующей армии, то есть с фронта, с начала Февральской революции составило около двух миллионов человек.

Солдаты отказывались выполнять приказы о перегруппировке войск и проводить инженерные работы, связанные с подготовкой плацдармов для наступления. Нередки были случаи физической расправы с неугодными солдатским комитетам офицерами.

Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал А.М. Драгомиров заявлял весной 1917 года, что «общее настроение армии — мир во что бы то ни стало». Все же высшее командование сошло во мнении, что наступление надо начинать в июне месяце.

Генералы, в том числе и Л.Г. Корнилов, определенно связывали успех наступления исключительно с нравственным «оздоровлением» армии. 21 мая новый Верховный главнокомандующий России генерал М.В. Алексеев направил Временному правительству телеграмму, в которой говорил о необходимости немедленного восстановления военно-полевых судов, расформирования ненадежных частей, возвращения командирам дисциплинарной власти. Верховный главнокомандующий подчеркивал:

«Только при такой постановке вопроса возможно водворение в армии порядка и возвращение утраченной дисциплины. Увещания, воззвания действовать на массы не могут. Нужны власть, сила, принуждение, страх наказания...

Развал внутренний достиг крайних пределов, дальше идти некуда. Войско стало грозным не врагу, а Отечеству».

Временное правительство, соглашаясь с генералитетом о необходимости осуществления большой наступательной операции, в то же время расходилось с ним относительно подготовки армии к этой цели. Сознание солдатской массы «бомбардировалось» демагогическими заявлениями Временного правительства о необходимости защиты власти революционной демократии, войны до победного конца, об оборонительном и революционном характере продолжающейся Великой войны.

По мнению же Корнилова и его единомышленников, общая установка Временного правительства уничтожала те устои, на которых всегда покоилась во всем мире способность армии к борьбе. Одними речами, как полагали военачальники, создать «новую железную» дисциплину было невозможно.

Командующий 8-й армией оказался в числе тех генералов-фронтовиков, которые открыто, с резким возмущением встретили опубликованную 24 мая новым военным министром Керенским «Декларацию прав военнослужащих». В нее были включены пункты, разрешающие военнослужащим во внеслужебное время «свободно и открыто высказывать свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды». Отменялись все дисциплинарные наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнослужащего. Декларация явилась, по оценке большинства генералов-фронтовиков, тем документом, который сыграл решающую роль в понижении боеспособности русской армии.

Генерал Корнилов к тому времени уже не раз публично высказывался о том, что именно правительственная политика способствует подрыву воинской дисциплины в действующей армии. С ним были солидарны многие военачальники. Так, выступая на совещании в Ставке Верховного главнокомандующего 29 июля генерал-лейтенант А.И. Деникин сказал:

«Я слышал, что большевизм разрушил армию. Я это отвергаю. Большевизм — это черви в гнойной ране армии. Разрушили армию другие, проводившие разрушавшее армию военное законодательство последнего времени».

Антанта сумела «надавить» на Россию и ее Временное правительство, в котором все большую роль играл министр-социалист А.Ф. Керенский. Из Парижа и Лондона настойчиво напоминали новой России о ее обязательствах перед союзными державами, о многомиллионных займах, за которые надо было платить, ведя наступательные действия на фронте.

В русской армии началась подготовка к наступлению. 17 июня новый Верховный главнокомандующий генерал А.А. Брусилов (Алексеев был снят за трения с правительством) отправил в штабы фронтов шифрованную телеграмму. В ней Ставкой определялись следующие сроки начала наступательной

операции: для Юго-Западного фронта — 25 июня, Западного фронта — 5 июля, Северного и Румынского — 14 июля.

По плану Ставки главный удар должны были нанести армии Юго-Западного фронта. В связи с этим его главнокомандующий генерал-лейтенант Алексей Евгеньевич Гутор поставил перед армиями следующие задачи на наступление. 11-й армии генерал-лейтенанта И.И. Федотова и 7-й армии генерал-лейтенанта Л.Н. Бельковича — прорвать фронт противника и развивать наступление на галицийскую столицу Львов. Корниловской 8-й армии — наносить вспомогательный удар в направлении на города Калуш, Болехов. Особой армии — сковать противостоящего ей противника и не позволять ему перебрасывать войска в район главного удара.

Для поднятия духа солдат на Юго-Западный фронт прибыл военный министр А.Ф. Керенский. Он объехал немало полков и дивизий, всюду уговаривая солдат «наступать и еще раз наступать». Однако, обобщив свои впечатления о моральном настроении солдат-фронтовиков накануне начала операции, российский военный и морской министр был вынужден заявить следующее:

— Ни в какой успех наступления не верю...

Но тот же Керенский отдал приказ о начале июньского наступления 1917 года, имевшего цели стратегического характера.

Представители союзного командования в Петрограде, также совершившие «инспекционные» поездки в могилевскую Ставку и на фронты, придерживались такого же мнения, что и российский министр-председатель. Британский генерал А. Нокс, к примеру, записал в своем дневнике:

«Успеха здесь не будет...»

Однако глава Ставки генерал А.А. Брусилов, один из российских стратегов в Первой мировой войне, всецело поддерживал план июньского наступления. Еще бы, ведь он разрабатывался его штабом. В интервью столичной газете «Русское слово» он заявил:

— Я был вполне согласен с приказом генерала Корнилова и поддержал его...

Перед началом июньского наступления 8-я армия имела в своем составе шесть армейских корпусов. Из них 12-й гене-

рал-лейтенанта В.А. Черемисова, 16-й генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова и 33-й генерал-лейтенанта И.К. Сарафова занимали позиции на реке Днестр и в Заднестровье, а 11-й генерал-лейтенанта К.Л. Гильчевского, 18-й генерал-лейтенанта И.Г. Эрдели и 23-й генерал-лейтенанта Н.А. Обручева располагались в Буковинских Карпатах. Корниловская армия составляла левое, южное крыло Юго-Западного фронта, соприкасаясь с северным флангом Румынского фронта.

Что представляла в моральном отношении 8-я армия ко времени принятия ее под свое командование Корниловым? Каков был ее боевой дух, способность активно воевать и наступать? Наконец, ее стойкость, организованность и дисциплинированность. Вот только один пример, связанный с 27-м Витебским пехотным полком, до войны стоявшим в городе Тамбове и входившим в состав 7-й пехотной дивизии, начальником которой был генерал-майор В.Р. Романов.

После митинга солдаты-витебцы предъявили своему полковому командиру самый категорический ультиматум, грозя в противном случае смертной карой. Ультиматум состоял из трех пунктов, обязательных к немедленному их исполнению:

Открыть полковой казначейский ящик и раздать на руки все наличные казенные деньги в равной доле как на солдата, так и на офицера.

Выдать солдатам в постоянную носку обмундирование первого срока.

Устроить всему полку праздничное разговенье с куличами, крашеными яйцами и с обязательной обильной выпивкой по такому случаю.

Полковой командир, естественно, не мог выполнить всей резолюции солдатского митинга. Тогда его подчиненные расшвыряли, арестовали полковника и, после заседания здесь же выбранного «революционного суда» постановили расстрелять «контрреволюционера». Однако самосуд все же не состоялся, а «расстрельная рота» разрядила свои винтовки в пасущееся на лугу стадо коров жителей ближайшей деревни.

После этого совсем распоясавшиеся пехотинцы-витебцы перепились и устроили драку с солдатами дивизионной артиллерийской бригады. Повод для этого был найден в том, что артиллеристы отказались выполнять требование митинга сол-

дат 27-го пехотного Витебского полка не стрелять по немцам из своих пушек: «Не задирать Германию». Мол, их не трогай, и они нас не тронут...

Командующий армией вел подготовку своих войск всеми доступными для него методами. На фронте имелось немало офицеров, которые противились развалу русской армии. Таких офицеров оказалось немало и в рядах корниловских войск. Всего лишь через несколько дней после вступления Лавра Георгиевича в должность командующего на его рабочий стол легла записка капитана корпуса офицеров Генерального штаба М.О. Неженцева, помощника старшего адъютанта разведывательного отделения штаба армии. Корнилов сразу же после прочтения рапорта заинтересовался сделанным капитаном-разведчиком предложением.

В рапорте тридцатилетний капитан Митрофан Осипович Неженцев, за плечами которого были московское Александровское военное училище и два ускоренных курса Николаевской академии Генерального штаба, предлагал сформировать ударные отряды из добровольцев. Они должны были предназначаться для пресечения случаев мародерства и неповиновения солдатских масс командирам.

Командующий армией сразу же, поняв буквально дословно смысл докладной записки, вызвал капитана-разведчика на беседу и выслушал «его планы спасения действующей армии». Корнилова буквально захватили идеи фронтового офицера: главное — решительные меры, исходящие от «верховой власти», и разумное проявление инициативы «снизу».

19 мая 1917 года капитан М.О. Неженцев приступил к формированию добровольческого 1-го ударного отряда на основании приказа командующего 8-й армией. Уже к середине июня отряд армейских ударников был полностью сформирован. В своих рядах он насчитывал 91 офицера: командир в чине полковника, войсковых старшин — 2, капитанов — 2, штабс-капитанов — 9, поручиков — 4, подпоручиков — 18, прапорщиков — 55. В двух батальонах отряда числилось 1763 унтер-офицера и рядовых ударников. Три пулеметные команды состояли из 600 человек. Кроме того, в отряде имелись: команда конных разведчиков (сотня донских казаков), команда пеших разведчиков из добровольцев чехов-военноп-

ленных, минометная команда, знаменный взвод и команда связи.

1-й ударный отряд капитана М.О. Неженцева свой первый бой провел 25 июня у деревень Ямница и Павельче. Ударники два часа боя провели в бесстрашных лобовых атаках вражеской позиции. Линия неприятельского фронта была успешно прорвана. Атакующие углубились на семь верст. Было захвачено четыре тяжелых и два легких в плен взято вражеских 26 офицеров и 831 солдат, трофеями стало их личное оружие. То есть уже первый бой дал славу ударникам-корниловцам.

По приказу Верховного главнокомандующего № 796 от 11 августа 1917 года 1-й Ударный отряд разворачивается в четырехбатальонный полк, получивший название Корниловского ударного. Вскоре (10 сентября по приказу начальника штаба Ставки № 501) он получил название 1-го Российского ударного, а 30 сентября — Славянского ударного полка. Создание этой отдельной воинской части происходило на добровольной основе.

Первоначально Славянский ударный полк входил в состав 1-й Чешко-Словацкой стрелковой дивизии добровольческого Чехословацкого корпуса, созданного из военнопленных чехов и словаков, служивших в армии Австро-Венгерской монархии Габсбургов. Полку предстояло, по замыслу командующего 8-й армией, внести перелом в «нравственное» настроение фронтовиков, поднять в них боевой дух и способность и дальше вести активную вооруженную борьбу за Отечество.

Добровольцы-ударники капитана Неженцева, одного из подлинных героев белой Добровольческой армии, получили отличительную форму одежды. Она была обычной защитной (полевой) Российской Императорской армии, но с отличительными шевронами, погонами и петлицами «корниловских цветов». В стальных касках Адриана образца 1915 года, с черно-красными погонами, с эмблемой на рукаве, изображавшей Адамову голову (череп) над скрещенными мечами в лавровом венке, корниловцы одним своим видом должны были наводить страх на тех военнослужащих, кто подвергся влиянию анархии и разложения.

Разумеется, один пехотный полк, готовый по первому же приказу пойти в атаку на вражеские позиции, не мог «оздо-

ровить» целую армию, да еще во фронтовых условиях. Но Корниловский ударный полк вместе с Текинским конным полком, сформированным из туркмен, преимущественно племени теке, стали личной гвардией генерала Корнилова.

Текинцы к тому же были лично преданы Корнилову, хорошо говорившего на их языке, знавшего и уважавшего традиции и обычаи туркмен. В белых папахах и полосатых халатах малиновых и темно-красных тонов, с кривыми кинжалами у пояса, они производили на окружающих грозное впечатление.

Текинский конный полк в рядах русской армии до середины 1917 года был редкостным воинским формированием на национальной основе. В.А. Арон, в то время ротмистр конников-текинцев, ставший в рядах белой Добровольческой армии полковником, писал в эмиграции об истории родного ему полка:

«До Первой мировой войны мало кто знал о существовании скромного Туркестанского конного дивизиона, в июле 1914 года переименованного в Текинский полк. Это был полк добровольцев, выступивший на службу в своем национальном одеянии и на собственных красавцах конях. Это были родные сыны покоренных Скобелевым ахалтекинцев, а сын защитника Геок-Тепе, ротмистр Ураз-Сердар, командовал в полку эскадроном.

По рождению я — сибиряк, воспитанник Сибирского кадетского корпуса, с детских лет близко соприкасался с населявшими Сибирь инородцами: калмыками, бурятами, монголами, тунгузами. Из их среды были добрые товарищи по корпусу, впоследствии — славные русские офицеры. Владея разговорными монгольскими наречиями, я ближе познакомился с этими народностями.

Будучи назначен в Асхабад в 1915 году для формирования запасного туркменского эскадрона, я быстро пригляделся и освоился с текинцами. В отличие от инородцев, населяющих восток Сибири, текинцы — высокого роста, сухи, красивы, имеют открытый взгляд, благородную осанку, отличаются исключительной честностью. В бою — горячие и храбрые, прекрасные наездники. Лучшего для конницы и выдумать нельзя.

Форма нашего полка была очень красива. Малиновые шаровары, поверх пояса намотан шелковый малиновый кушак, бичак (нож, не кинжал) весь в серебре и золоте; на поясной португее клыч (кривая сабля), тоже в серебряной и золотой наске с цветными камнями. Этими же металлами отделаны нагрудники и налобники на аргамаках. На голове текинцы носили огромные папахи — «телпек»: это шкура целого барана, черная или белая, сложенная в виде цилиндра. Не всякая голова могла вынести такую тяжесть; приходилось привыкать постепенно. Офицерам полка была присвоена та же форма.

И вот представьте себе строй из нескольких сот таких рослых смуглых красавцев всадников на поджарых, горячих аргамаках, сверкающих оружием, яркими кушаками.

Отношения между всадниками и офицерами были самые хорошие, сердечные: «текинцы» относились к своим офицерам с полным доверием и звали их «боярами».

Текинский полк принимал участие в боях с самого начала войны, а в 1915 году, под командой полковника Зыкова, особенно отличился на полях Галиции, лихой конной атакой австрийской пехоты.

Генерал Корнилов, с назначением его Верховным главнокомандующим, не ошибся в выборе части для охраны Ставки; по своей службе в Туркестане он знал высокие моральные и боевые качества текинцев, говорил на их языке, что производило на них большое впечатление, знал и службу полка еще по 8-й армии.

Честь нам выпала большая, но и ответственность легла немалая, ибо моральные условия жизни и службы в эти революционные дни были сложны и тягостны. В это время (июль 1917 года) по всей России бушевала стихия. Фронт разваливался, но Текинский полк оставался частью, которой можно было отдать любое распоряжение с полной уверенностью, что оно будет исполнено...»

Будучи опытным военачальником, Лавр Георгиевич не ожидал от формирования ударников-добровольцев многого: они просто не могли восстановить боеспособность распропагандированных воинских частей. Поэтому Корнилову приходилось рассчитывать только на одно средство — кропотливую воспитательную работу с солдатскими массами. Командующий

армией почти ежедневно бывал в полках, разъяснял солдатам необходимость дисциплины и организованности, напоминал им о воинском долге перед Отечеством, готовил их к предстоящему наступлению.

Создание «ударных революционных и штурмовых батальонов» из добровольцев в 8-й армии ее командующий поставил на широкую ногу. Собственно говоря, подобные воинские формирования, правда малочисленные, возникли в русской армии еще зимой 1916—1917 годов, когда на Восточном фронте стояло позиционное затишье. Небольшие отряды добровольцев-«охотников» проводили ограниченные операции местного значения, которые сводились к рейдам в ближний вражеский тыл, рекогносцировке линии неприятельской обороны и захвате пленных.

Командуя дивизией и корпусом, генерал Корнилов всячески поощрял создание таких команд «охотников». Именно эти добровольцы первыми пополнили ряды корниловских ударников.

Ударничество затронуло не только действующую армию, но и тыловые военные округа. Там формировались так называемые «ударные батальоны смерти». В Петрограде был сформирован тысячный добровольческий женский батальон. Такие же женские ударные батальоны «смертниц» намечалось создать в Москве и Екатеринодаре, но на фронт они так и не попали.

Генерал Корнилов имел прямое отношение к формированию 1-го женского добровольческого ударного батальона смерти, известного еще и как «Бочкаревский». Он носил такое название по имени его командира сибирячки Марии Бочкаревой, полного Георгиевского кавалера, добровольца (с личного императорского разрешения) 28-го пехотного Полоцкого полка.

История этого уникального для старой русской армии пехотного батальона, как и судьба его основательницы, известны по протоколу допроса М.Л. Бочкаревой в Омске, в Особом отделе ВЧК при 5-й Красной армии:

«...На войну в 1914 году я пошла из чувства патриотизма и желала умереть за родину. В Томске... в октябре месяце я подала на имя Николая 2-го телеграмму о своем желании поступить на военную службу... Царь разрешил...

За все время моего пребывания на фронте... я была четыре раза ранена... получила все четыре степени Георгиевских крестов...

...Командир Полоцкого полка сообщил Родзянке, что в полку имеется женщина-доброволец, которая находится на фронте с начала войны, своим мужеством и храбростью показывает пример мужчинам и награждена 4-мя степенями Георгиевских крестов. Родзянко пожелал меня видеть лично... и приказал отправить меня в Петроград...

...Я в Таврическом дворце сделала членам Временного правительства доклад. В докладе я говорила, что солдаты не слушаются начальства и братаются с немцами. Мне сказал Родзянко, а чем бы помочь, чтобы поднять дух солдат. Я ему предложила сформировать добровольческий женский батальон. Мне на это сказали, что моя идея великолепная, но нужно доложить Верховному главнокомандующему Брусилову и посоветоваться с ним. Я вместе с Родзянкой поехала в Ставку Брусилова...

Брусилов в кабинете мне говорил, что надеетесь ли вы на женщин и что формирование женского батальона является 1-м в мире. Не могут ли женщины осрамить Россию? Я Брусилову сказала, что я и сама в женщинах не уверена, но если вы дадите мне полное полномочие, то я ручаюсь, что мой батальон не осрамит России, но только чтобы не было комитетов. Брусилов мне сказал, что он мне верит и будет всячески стараться помогать в деле формирования женского добровольческого батальона, и я обратно вернулась с Родзянкой в Петроград.

...Я была в Зимнем дворце представлена Керенскому, была приглашена на обед. Керенский за обедом меня приветствовал и сказал мне, что он разрешает мне формировать женский батальон смерти Бочкаревой.

22 мая 1917 года в Петрограде в Малом Мариинском театре я выступила с устной агитацией с призывом к женщинам с тем, чтобы они вступали в батальон моего имени. В своем призыве я говорила женщинам, что солдаты в эту великую войну устали и что им нужно помочь... нравственно.

При этом я записала две тысячи женщин-добровольцев. Мне дали казарму на Торговой улице в Петрограде. Выдали обмун-

дирование и вооружение, дали инструкторов, и я приступила к обучению своего батальона. За этот период я откомандировала от себя 1500 женщин за их легкое поведение, и они в Инженерном замке образовали из себя самостоятельный Ударный батальон и созвали Всероссийский съезд женщин. А я с пятьюстами женщин осталась формироваться.

27 июня 1917 года я присутствовала при освящении знамени моего батальона в Исаакиевском соборе. Генерал Корнилов в присутствии Керенского и других членов Временного правительства вручил мне знамя и произвел меня в прапорщики.

1-го июля 1917 года, после молебна в Казанском соборе, я со своим батальоном отправилась на фронт в Молодечно, где меня с батальоном прикомандировали к 1-му Сибирскому корпусу. 8-го июля я с батальоном участвовала в бою под Крево. Взяты две линии немецких окопов. Когда зашли в Спасский лес, то солдаты бросили нас на произвол судьбы и я осталась с батальоном одна. 9-го июля утром немцы перешли в наступление, и я с батальоном отступила. При этом я была тяжело контужена и вынесена в бессознательном состоянии с места боя. Меня отправили в Петроград, в лазарет Кенига, где я пролежала полтора месяца.

За этот бой я была представлена к золотому оружию, оружия не получила, а была произведена в подпоручики.

Когда я поправилась, то получила приказ от генерала Корнилова сделать женским батальонам смотр и годных влить в мой батальон и вновь батальонов не формировать, что мной и было сделано. Ездил в Москву, делала смотр Московскому женскому батальону и нашла его тоже негодным для боевого дела. И уехала на фронт к своему старому батальону и решила больше женщин не брать, потому что я в женщинах разочаровалась.

На фронте я заняла боевой участок, который и охраняла до свержения Керенского. От Советской власти была получена телеграмма, чтобы я свой батальон расформировала и сейчас же это и сделала. Это было осенью 1917 года.

После расформирования батальона я поехала в Петроград. В Петрограде меня на станции арестовали и отвезли в Смольный. Отобрали шашку, револьвер-наган и документы. Меня посадили в Петропавловскую крепость, где я просидела 7 дней,

после чего была вызвана в Смольный, где со мной говорил неизвестный мне господин, который предложил мне поступить на службу Советской власти.

Он говорил, что вы крестьянка и должны защищать свой народ, но я ему сказала, что слишком измучилась за войну и в Гражданской войне не хочу принимать участия. Мне дал этот господин денег, и я поехала на родину, в Томск. Это было после свержения Керенского, недели две с днями.

В это время я была приверженкой Корнилова и была убеждена, что Советская власть идет рука об руку с немцами, с тем, чтобы посадить на русский престол Вильгельма, об этом говорило все офицерство и та среда, в которой я вращалась. На позиции в своем батальоне я митингов делать не разрешала и агитаторов в батальон не допускала.

Большевиков я считала своими врагами и врагами Родины...»

Оказавшись в родной Сибири, в городе Томске, поручик Мария Бочкарева добровольцем вступила в колчаковскую армию, в которой начала формирование «отряда Бочкаревой» — добровольческого санитарного отряда при «добровольческой дружине Святого креста и зеленого знамени». После отступления колчаковских войск за Енисей была арестована в Томске. В документе, который решил ее судьбу, вновь упоминается имя генерала Корнилова:

«1920 года апреля 17 дня, я, следователь Особого отдела ВЧК при 5-й армии Поболотин, рассмотрел дело б. поручика армии Керенского и Колчака Марии Леонтьевны Бочкаревой — 31 г., по обвинению ее по должности офицера армии Колчака (добровольца) в том, что она своей добровольной службой Керенскому образовала 1-й женский ударный добровольческий батальон, который принимал участие в борьбе с Советской властью в Петрограде. После свержения власти Керенского Бочкарева, будучи непримиримым врагом советской власти, являясь сторонницей политики генерала Корнилова, отправилась в Америку, где имела свидание с президентом Америки Вильсоном и своим появлением в Сан-Франциско будировала на американские пролетарские массы, как мученица за идеал справедливости, в действительности являясь другом империалистов и капиталистов. Бочкарева из Америки поехала в Англию и через богатую суфражистку добилась свидания с

военным министром Англии, который ей и устроил свидание с королем Англии...

Преступная деятельность Бочкаревой перед Р.С.Ф.С.Р. следствием доказана (см. протокол допроса окончательный и приказ № 65 от 11 ноября 1919 года). Бочкареву, как непримиримого и злейшего врага Рабоче-Крестьянской Республики, полагаю передать на распоряжение Начальника Особого Отдела ВЧК при 5-й армии.

Справка: Вещественных доказательств — нет.

Военный следователь
Особого отдела ВЧК при 5-й армии
Поболотин.

Резолюция: Бочкареву Марию Леонтьевну расстрелять.

15.5.1920.
Павлуновский.
Шимановский».

Последним документом в уже посмертной биографии полного Георгиевского кавалера, батальонного командира и «идейного корниловца» поручика Марии Бочкаревой, подлинной героини русской армии в годы Первой мировой войны, был следующий:

«9 января 1922 года. Утверждаю
Прокурор Омской области
Государственный советник
юстиции 3-го класса Ю.А. Якунин.
В отношении Бочкаревой
Марии Леонтьевны.

Постановлением Омского ГубЧК от 15 мая 1920 года определен расстрел. В деле нет документов о приведении приговора в исполнение. Обвинение не предъявлялось. Свидетели по этому делу не привлекались. Из заключения по делу установлено, что обвинение М.Л. Бочкаревой основывалось только на ее показаниях...

Бочкарева Мария Леонтьевна полностью реабилитирована в соответствии с Законом РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий».

Во время бытности генерала П.Г. Корнилова на посту Верховного главнокомандующего началось сведение ударных батальонов и отрядов в полки. Первой такой «образцовой» воинской частью стал 1-й Ударный революционный полк. Однако действительно массовым явлением ударничество в старой русской армии в середине 1917 года не стало. Хотя в порыве революционного пафоса целые полки и дивизии на бурных и продолжительных, с перерывом на обед, митингах объявляли себя «ударными».

Было ли ударничество позитивной мерой в деле оздоровления Русского фронта? Исследователи с оценками в этом вопросе расходятся. Крайним (отрицательным) мнением является следующее: ударные революционные батальоны и полки вобрали в себя наиболее «здоровый боевой элемент» из фронтовых полков, снизив тем самым их боеспособность. Думается, что именно так и было, хотя уход из полка нескольких десятков человек вряд ли мог крайне негативно отразиться на его «душевном» состоянии.

Корнилов во многом добился своего. В армии его личный авторитет заметно вырос, как когда-то это было в 48-й пехотной Стальной дивизии. Исследователи впоследствии скажут, что такого нельзя было сказать о многих фронтовых, даже весьма способных военачальниках в генеральских званиях.

В отношении солдатских комитетов командующий 8-й армией занял твердую позицию. Тем более что они разрушали главный стержень армии — единоначалие, подчиненность младших старшему. Корнилов постепенно вводил солдатские комитеты в рамки «законной» деятельности, внушая комитетчикам, что их главная задача — это подъем наступательного духа войск, а не вмешательство в вопросы перемещения офицерских кадров.

Такая мудрая «политика» в отношении солдатских комитетов, которые стояли на страже буквального исполнения «Приказа № 1», родилась не на пустом месте. Лавр Георгиевич научился многому, когда ему пришлось «воевать» с Петроградс-

ким Советом, стремившимся до минимума урезать реальную власть главнокомандующего столичного военного округа.

Генерал-лейтенант Корнилов сумел во многом восстановить боеспособность «брусиловской» армии. Когда Юго-Западный фронт перешел в наступление, в могилевской Ставке это отметили сразу. В той операции Лавр Георгиевич показал себя командующим, способным решать самые сложные тактические задачи.

По первоначальному плану наступления армии предписывалось нанести вспомогательный удар на Рогатин. Корнилов, на основе данных разведывательного отделения своего штаба, предложил командованию фронтом изменить направление вспомогательного удара и наступать на города Галич и Калуш. Его замысел действий 8-й армии состоял в следующем.

Нанесение главного удара возлагалось на 12-й армейский корпус генерал-лейтенанта Владимира Андреевича Черемисова, который впоследствии сменил Корнилова на посту командующего 8-й армией. Георгиевский кавалер за бои под Варшавой был известен своими довоенными научными работами «Основы современного военного искусства» и «Основы германской тактики». 12-й корпус был заблаговременно развернут вдоль реки Быстрица, а его состав усилен до шести дивизий (пять пехотных и 1-я Заамурская пограничная пехотная дивизия).

Корпус Черемисова получал сильную поддержку. Левее его в направлении на Богородчаны демонстративно наступал 16-й армейский корпус в составе трех пехотных и двух кавалерийских дивизий. На правом фланге армейской ударной группы наступал на древний город Галич 33-й армейский корпус, состоявший из двух дивизий пеших заамурских пограничных стражников.

Наступательная операция Юго-Западного фронта уже в первые дни перечеркнула начерченный в могилевской Ставке план фронтового удара. Наступавшие на главном направлении 7-я и 11-я армии смогли продвинуться вперед всего на два километра, понеся при этом большие, неоправданные потери. После этого они стали топтаться на месте. Причина крылась в следующем: солдаты замитинговали и не желали выполнять приказы командования. Солдатские комитеты заявили о своем нежелании наступать.

В своем донесении в штаб фронта командующий 11-й армией генерал Иван Георгиевич Эрдели, будущий командир 1-й конной дивизии в белой Добровольческой армии, сообщал о сложившейся ситуации:

«Несмотря на наши успехи, достигнутые 18 и 19 июня, которые могли бы поднять боевой дух солдат и вдохновить их на дальнейшее наступление, в действительности в большинстве полков никакого воодушевления не наблюдалось, а в некоторых возобладало убеждение, что задачу свою они уже выполнили и нет смысла далее продолжать наступление...»

Случилось то, чего так опасался Лавр Георгиевич. В образовавшийся 30-километровый разрыв вражеской обороны ударный кулак из двух русских армий «не пошел» не по его вине, как главнокомандующего фронтом. А ситуация для впечатляющего рывка вперед виделась не только такой благоприятной, но и вполне реальной, осуществимой.

Когда спустя три дня вперед пошла 8-я армия, наносившая по плану июньского наступления только вспомогательный удар, ее результаты оказались иными. И даже больше: они были впечатляющими. Корниловские полки и дивизии действовали отлично. Первыми на штурм вражеских позиций шли отряды добровольцев-ударников.

Первым пошел вперед левофланговый 16-й армейский корпус генерала С.С. Саввича, который сразу же начал теснить перед собой 13-й австро-венгерский корпус. Через сутки начали наступать войска Черемисова: они на одном дыхании прорвали передовую, промежуточную и главную позиции неприятеля на всем фронте 3-й австро-венгерской армии, которой командовал генерал-полковник К. Терстянский фон Надас. Вражеский фронт был прорван на линии от Ямницы до Загроздь.

События в полосе наступления корниловской армии развивались быстро. Русские войска подвергают полному разгрому 26-й корпус австро-венгров и занимают долину реки Быстрица. Развивая атакующий удар, дивизии генерала Черемисова наносят поражение еще одному неприятельскому корпусу — 13-му. 27-го июня занимается город Галич, на следующий день — Калуш.

Пример массового героизма показала первая добровольческая часть русской армии — 1-й ударный отряд 8-й ар-

мии капитана Неженцева. Боевое крещение он прошел в день 26 июня, когда штыковой атакой «на одном дыхании» прорвал австрийские позиции под деревней Ямщицы. Благодаря во многом доблести ударников-корниловцев русские войска захватили важный для них в оперативном отношении город Калуш.

Преодолевая сильное сопротивление противной стороны, оборонявшейся на хорошо подготовленных в инженерном отношении позициях, 8-я армия, которую на фронте теперь чаще называли не «брусилловской», а «корниловской», за шесть дней наступления углубилась в месте прорыва вражеского фронта на 18—20 километров. Казалось бы немного, если, разумеется, не учитывать силы 3-й армии австро-венгров и крепость ее позиционной обороны.

Цена той победы была такова. В плен было взято 800 офицеров и 36 тысяч солдат противника. Трофеями русских стали 127 орудий и минометов, 403 пулемета, несколько десятков тысяч винтовок, много боеприпасов. Потери русской армии убитыми, ранеными и без вести пропавшими составили 352 офицера и 14 456 солдат. В числе потерь корниловской армии число дезертиров оказалось по тому времени на удивление мало — меньше двух сотен за все время наступления. В других армиях картина была иная.

Действия 8-й армии генерал-лейтенанта Корнилова в июньском наступлении Юго-Западного фронта вошли в летопись Первой мировой войны как последний яркий след разрушающейся армии старой России. Больше таких побед на поле брани Великой войны у нее не будет.

Высшее командование Германии в самые короткие сроки подготовилось к парированию сильного удара русских. 6 июля Злочевская группировка немецких войск под командованием генерала пехоты Арнольда фон Винклера нанесла сосредоточенный удар у Перепельников по 25-му армейскому корпусу (командир—генерал-лейтенант В.В. Болотов) 11-й армии. Первыми обратились в бегство полки «окончательно разложившейся» 6-й гренадерской дивизии. Они сразу же «потянули» за собой соседей. Подошедший к месту вражеского прорыва 45-й армейский корпус генерал-лейтенанта С.К. Добровольского после долгих митингов начал хаотическое отступление...

Юго-Западный фронт, как и другие фронты, разваливался, но не под ударами германских и австро-венгерских армий. Военный совет фронта доносил Временному правительству об истинном положении дел следующее:

«Начавшееся 6 июля немецкое наступление на участке 11-й армии разрастается в неизмеримое бедствие, угрожающее, может быть, гибелью революционной России. В настроении частей, двинутых недавно вперед героическими усилиями меньшинства, определился резкий и губительный перелом. Наступательный порыв быстро исчерпался.

Большинство частей находится в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении не может быть и речи, уговоры и убеждения потеряли силу — на них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом. Были случаи, что отданное приказание спешно выступить на поддержку обсуждалось часами, почему поддержка опаздывала на сутки. Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противника...

На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них — здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Иногда так отходят целые части...

Положение требует самых крайних мер...

Пусть вся страна узнает правду... содрогнется и найдет в себе решимость беспощадно обрушиться на всех, кто малодушием губит и продает и Россию, и революцию».

Эта была та причина, из-за которой 8-й армии не суждено было развить свой успех. Даже при том, что свои задачи на наступательную операцию — взятие городов Калуш и Галич — она успешно выполнила. Общее беспорядочное отступление войск Юго-Западного фронта вовлекло в этот водоворот и корниловские войска. Лавр Георгиевич был вынужден отдать своим корпусам приказ на отход по той причине, что армейские фланги оголились в считанные сутки. И в такой самой благоприятной для него ситуации неприятель мог создать кольцо окружения.

На фоне общего отступления сил Юго-Западного фронта после Тарнопольского прорыва немцев состояние 8-й армии генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова выглядело не просто впе-

чатляюще, но и предпочтительнее. Летом 1917 года многие трезво мыслящие люди в России увидели в нем человека, способного уберечь русскую армию от развала, а государство — от грозившего ему военного краха.

Правительственным указом от 27 июня 1917 года Лавр Георгиевич Корнилов, обладатель двух орденов Святого Георгия и золотого Георгиевского оружия, производится в чин полного генерала. То есть в генералы от инфантерии (пехоты).

Как же оценивалось июньское наступление армий Юго-Западного фронта? Ответ на этот вопрос дает под грифом «Секретно» краткое описание тех наступательных боев, составленное начальником штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенантом А.С. Лукомским. Описание отличается объективностью в оценке действий всех сил, задействованных в наступательной операции:

«...Наши обязательства перед союзниками заставляли нас не отказываться совершенно от активных действий. Надежду на успех, хотя бы при коротком ударе, давало большое превосходство наших сил на участке удара (речь идет об 11-й и 7-й армиях. — А.Ш.) сравнительно с силами противника, которое выражалось в среднем в отношении 4:1, и большое превосходство артиллерии, в том числе и тяжелой.

Таким образом, артиллерийская подготовка первого удара позволяла рассчитывать, что пехоте только придется занимать то, что артиллерия разрушила, как это в действительности и случилось.

После усиленной моральной подготовки, производившейся всеми комитетами, комиссарами (Временного правительства. — А.Ш.), различными делегатами и начальниками вплоть до военного министра, войска 11-й и 7-й армий к 16 июня заняли исходное положение, и началась артиллерийская подготовка.

Небоеспособность некоторых воинских частей была очевидна в период подготовки к операции.

16-го июня на ударном участке Юго-Западного фронта началась артиллерийская подготовка и продолжалась в течение двух дней. На третий день после короткого ураганного обстрела части пошли на штурм и сразу овладели на большую или меньшую глубину неприятельскими позициями.

Но после этого первого успеха, к сожалению, сказалась нравственная неустойчивость частей, утративших дисциплину и привычку повиновения начальникам. На фронте 7-й армии, где пришлось встретить главным образом германцев, части немедленно от одного только артиллерийского огня и при первых попытках противника произвести контратаки отошли почти на всем фронте в исходное положение, и повторить атаку уже не могли в течение всего последующего времени.

На фронте 11-й армии многие части проявили большую доблесть, овладели позициями противника, но развить успех не могли, так как атаковавшие части быстро выдыхались и обнаруживали полную негодность к продолжению операции, в частях же, которые должны были сменить и занять исходные положения для дальнейшего наступления, сказались недопустимые в военном деле порядки, когда часть, вместо того чтобы быстро и беспрекословно выполнить отданный ей приказ, пускается в обсуждение, насколько этот приказ подлежит исполнению. Драгоценное время уходило, противник усиливался и перегруппировывался.

25-го июня началось успешное наступление 8-й армии, которая, однако, овладев Галичем и линией реки Ломницы, принуждена была тоже остановиться. Для восстановления наступления требовалось усиление ввиду выяснившейся к этому времени совершенной неспособности 7-й армии, а также крупного успеха на фронте 8-й армии, было решено произвести перегруппировку, усилив 8-ю армию за счет 7-й, и произвести удар 7-й и 8-й армиями, первой — в направлении на Злочев и второй — на Рогатин. Однако те же причины — отказы становиться на позицию, нежелание переходить на новые места — задержали перегруппировку, и операция, все откладывавшаяся, осталась в проекте, так как 6-го июля последовал удар со стороны немцев.

За время нашего наступления 11-я, 7-я и 8-я армии понесли довольно значительные потери. Из строя выбыло: 1222 офицера и 37 500 солдат, то есть 14 процентов всего состава, при этом несомненно лучшего элемента...

С рассветом 6-го июля противник открыл артиллерийский огонь по расположению 5-го Сибирского, 17-го и 5-го армей-

ских корпусов и почти одновременно его пехота повела атаку на фронте Пеняки — Млыновце. 607-й пехотный полк самовольно оставил позиции и отошел назад.

В образовавшийся, таким образом, двухверстный прорыв противник устремился и, отбросив наши войска за реку Граберку, начал развивать свой удар в юго-восточном направлении.

Несмотря на все принятые меры соответствующими начальниками, восстановить положение не удалось.

Начался неудержимый отход войск на восток. Многие части, получив боевые приказы, обсуждали их на митингах, в комитетах, упускали время, а то и совсем отказывались выполнять их...

С утра 7 июля противник продолжал развивать прорыв. Посылаемые на поддержку и для контратаки части в большинстве случаев отказывались их исполнять или выказывали полную неустойчивость, уходя под влиянием только одного артиллерийского огня. Попытки начальников восстановить положение выдвиганием резервов и переходом в контратаки были безуспешными. 1-й Гвардейский корпус под влиянием отхода частей 5-го корпуса самовольно бросил Тарнополь и отошел в восточном направлении...

Около 22 часов 11 июля в Ставку поступило донесение Главкоюза (главного командования Юго-Западным фронтом. — *А.Ш.*) о моральном состоянии войск, дальнейшем отходе и рубежах, на которых предполагает задержаться; обстановка, складывающаяся на фронте 7-й армии, доносил Главкоюз, в связи с усиливающимся отходом войск и разложением в них исключает всякую возможность прочно закрепиться на занятой позиции и не дает уверенности в быстром прекращении наступления противника, несмотря на все принятые меры.

Солдаты не желают рыть окопы, а предпочитают нести потери от огня. Для того чтобы хотя (бы) несколько оторваться от противника, перегруппировать и привести войска в порядок, приходится отходить каждый раз на несколько верст к югу, и эта обстановка постоянных отходов неблагоприятным образом отражается на духе войск.

Главкоюз указывает на полное разложение войск и на необходимость принятия самых решительных мер...

Ночью на 13 июля, ввиду расстройств 7-й и 11-й армий и необходимости для сохранения их боеспособности и вывести их из-под удара противника, Главкоюзом был отдан приказ о дальнейшем в ночь на 14-е июля отходе...

Предполагаем, что в дальнейшем австро-германцы будут продолжать развивать операцию на юго-восток с целью заставить нас постепенно очистить Буковину. Генерал Корнилов (уже вступивший в должность главнокомандующего армиями фронта. — А.Ш.) наметил в ближайшие дни, оставляя Особую армию и правый фланг 11-й армии на месте, отводить центр и левый фланг 11-й армии...

Усиление войск Юго-Западного фронта войсками других фронтов в настоящее время представляется в следующем виде: с Румынского фронта переводится 3-й конный корпус. С Западного фронта переводится 112-я пехотная дивизия...»

Из этого описания, составленного начальником штаба Ставки генерал-лейтенантом А.С. Лукомским, ясно, в каком состоянии Корнилов принял главное командование фронтом у генерала Гутора. Он встал во главе его в те дни, когда две армии, потерявшие боеспособность, начали беспорядочное отступление, не имея возможности закрепиться на новых рубежах.

Положение дел на Юго-Западном фронте, по оценке Верховного главнокомандующего генерала Алексея Алексеевича Брусилова, становилось катастрофическим. Командующий фронтом генерал-лейтенант А.Е. Гутор был уже не в состоянии изменить обстановку к лучшему. В подобных ситуациях высшее руководство страной пошло по накатанному пути, ставя во главе отступавших войск нового руководителя.

Корнилов был назначен главнокомандующим армии Юго-Западного фронта 10 июля. Но фактически он исполнял эту должность с 7-го числа, сменив по телеграфному прямому указанию из Могилева уже уволенного Гутора. Тот отчислялся в распоряжение Верховного главнокомандующего, а вскоре был переведен в резерв чинов при штабе Московского военного округа.

Министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский в «своей» книге «Дело Корнилова», увидевшей свет в 1918 году в московском издательстве «Задруга», так объясняет

смену главнокомандующего армиями терпящего поражение Юго-Западного фронта. В стенограмме его допроса Чрезвычайной следственной комиссией по делу о «корниловском мятеже» говорится:

«Назначение ген. Корнилова главнокомандующим на Юго-Западном фронте случилось так. Ген. Гутор растерялся... и Корнилов был, по-моему, единственный человек, который тут же на фронте мог его сменить. Казалось тогда, что опасная сторона его характера, взрывчатость в случае успеха, при начавшемся уже отступлении не представляла угрозы. Ведь момент, когда могла проявиться эта его опасная сторона, был так далек. А во время отхода можно было ждать последствий только его положительных качеств: решимости, умения организовать, проявить инициативу и независимость решения. Вот почему он был назначен на Юго-Западный фронт. Совершенно никого не было, кроме него. Мне лично эти соображения казались исчерпывающими...»

Далее военный и морской министр Временного правительства Александр Федорович Керенский подводит «объяснительную базу» под назначение на фронт генерала Корнилова.

«Решимость активно пользоваться огромными правами боевого начальника — смелость действовать, не боясь ответственности, не прячась за чужую спину — это были в то время самые нужные качества; качества, которые, к сожалению, мне почти не приходилось встречать среди высшего командного состава нашей армии.

Нужно вспомнить, что вся активная борьба с развалом в армии, со шкурниками и мешочниками, с пораженцами и германофилами, борьба включительно до применения вооруженной силы, почти целиком лежала на плечах комиссаров, военного министра и на армейских комитетах. Почти весь высший командный состав в период напряженнейшей работы восстановления боеспособности фронтов (май — июль) был в «нетях».

А между тем действительное возрождение армии не могло быть совершено при отсутствии авторитетных в глазах всей армейской массы вождей. Поэтому понятно, я думаю, почему всякая индивидуальность, всякий человек действия и почина встречал всемерную поддержку со стороны военного мини-

стра и продвигался вперед вне очереди. Понятно поэтому и то, почему ген. Корнилов, несмотря на своеобразные «ультимативные» формы проявления своей активности, быстро и решительно был выдвинут мною вперед...»

В той ситуации «жаркого» лета 1917 года ни Временному правительству, ни Ставке Верховного главнокомандующего выбирать не приходилось. Поэтому выбор пал на «победного» и, самое главное, популярного генерала Корнилова. В последние недели лишь он один проявил способность управлять войсками в сложных ситуациях, и ему подчинялись.

Лавр Георгиевич сумел спасти положение на Юго-Западном фронте и остановить бегство. Скажем прямо, наследство ему от генерала Гутора досталось самое плачевное. 11-я армия генерала И.И. Федотова, имея превосходство в силах и средствах перед атакующими ее германцами, отступала в большом беспорядке. Пришлось менять командующего. Новый, генерал от кавалерии И.Г. Эрдели прокомандовал всего десять дней и был заменен генералом от инфантерии П.С. Балуевым. И того пришлось через сорок дней менять на генерал-лейтенанта Ф.С. Рерберга, исполнявшего обязанности командующего армией.

Вражеский прорыв у Тарнополя захватил правый фланг соседней 7-й армии. Однако генерал-лейтенант Я.К. Цихович, сменивший на посту командующего армией генерал-лейтенанта В.И. Селивачева, сумел навести порядок во вверенных ему войсках.

Корнилов приказал «победной» 8-й армии оставить Галич и Калуш, взятые ценой немалых потерь. Когда 7-я и 11-я армия не смогли закрепиться на рубеже река Серет, бывшая корниловская армия, которой командовал генерал-лейтенант В.А. Черемисов, продолжила отход, оставив неприятелю Станислав, Надворную, Коломыю и другие галицийские города, взятые ранее с боя.

Но для того чтобы приостановить, казалось бы, безудержное отступление и уйти от трагедии, Корнилову пришлось пойти на крайние меры. Он понял, что в данный момент от него требуются твердое слово начальника и жестокие меры приведения людей к воинскому повиновению. Казалось, что этого ожидают не только в Петрограде и Ставке, но и сами

солдаты и офицеры русской армии, уставшие от анархии и митингования.

Уже в первый день своего командования фронтом генерал Корнилов отправил командующим корпусами и армиями приказ:

«Самовольный уход частей я считаю равносильным с изменой и предательством, поэтому категорически требую, чтобы все строевые начальники в таких случаях не колеблясь применяли против изменников огонь пулеметов и артиллерии. Всю ответственность за жертвы принимаю на себя, бездействие и колебание со стороны начальников буду считать неисполнением их служебного долга и буду таковых немедленно отрешать от командования и предавать суду. 8 июля 1917 г.»

В тот же день генерал Корнилов направил Верховному главнокомандующему и военному министру телеграмму, в которой обосновывал крайнюю необходимость применения исключительных мер. При этом он ссылался на факт самосуда на Балтийском флоте, совершенный над требовательным в вопросах дисциплины адмиралом Р.Н. Виреном 1 марта 1917 года. Тогда в ходе февральских событий на Балтике, особенно в Кронштадте, революционными матросами были убиты и ранены около 120 флотских офицеров, среди которых кроме Вирена оказались еще адмиралы А.И. Непенин и Ф.М. Бутков. Корнилов подчеркивал:

«...Иначе вся ответственность ляжет на тех, кто словами думают править на тех полях, где царят смерть и позор предательства, малодушия и себялюбия».

Почему Лавр Георгиевич в той телеграмме упомянул именно фамилию адмирала Роберта Николаевича Вирена, командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта? Он знал его как одного из героев обороны Порт-Артура. Тогда, в 1904 году, командир быстроходного броненосного крейсера 1 ранга «Баян» первым вступил в бой с японским флотом. За личную доблесть был награжден Золотым оружием и орденом Святого Георгия 4-й степени. При обсуждении на военном совете вопроса о сдаче Порт-Артура высказался за продолжение обороны. По принятии решения о сдаче морской крепости лично руководил уничтожением и потоплением русских кораблей, чтобы они не достались врагу.

Генерал Корнилов потребовал немедленного восстановления в армии и на флоте, и прежде всего на фронте, смертной казни, как исключительной меры наказания. Она была отменена указом Временного правительства от 12 марта 1917 года.

Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Корнилов потребовал от командиров всех рангов самых решительных действий по наведению порядка. Он приказал расстреливать дезертиров и грабителей местного населения. Уже первые расстрелы перед строем подействовали отрезвляюще на многие, казалось бы, совсем разложившиеся полки и батальоны.

Журналист-белоэмигрант Г.М. Катков, изучавший в Оксфордском университете русскую революцию и ее причины, в одной из своих работ писал о тех событиях:

«...Лишенные человеческого облика солдаты бесчинствовали в русских деревнях, совершая убийства и другие преступления, что приводило командование в полное отчаяние. Поэтому Корнилов, не ожидая приказа, попытался сам прекратить безобразия. Надежные части стали вылавливать дезертиров и вешать их на перекрестках, прикрепляя к трупам дощечки с перечислением преступлений, в качестве жесткого предупреждения каждому, кто последует этому примеру.

Эти казни лежат темным пятном на совести Корнилова. Но документы из архива белой армии (ныне хранятся в Гуверовском институте при Стенфордском университете в Калифорнии. Архив был передан туда генералом бароном Врангелем. — *А.Ш.*) ясно показывают, что Корнилов стремился к соблюдению возможной законности, когда взялся за восстановление порядка в своих деморализованных войсках...»

Через три дня после подписания своего первого «карательного» приказа Корнилов подписывает еще один. В советской исторической литературе он длительное время традиционно искажался с целью «очернения» «белого» генерала. В действительности текст этого корниловского приказа был таков.

«Получив донесение командарма 11-й армии о том, что солдаты вверенной ему армии позволили себе при оставлении города Тарнополя грабить имущество, насиловать женщин и детей, убивать мирных жителей и друг друга, я отдал приказ рас-

стреливать подобных негодяев без суда. Во исполнение этого моего приказа 9-го сего июля назначенными для сего командирами расстреляно 14 подлецов на месте совершения ими преступления.

Объявляя об этом армиям вверенного мне фронта, добавлю, что мною отдан приказ без суда расстреливать тех, которые будут грабить, насиловать и убивать как мирных жителей, так и своих боевых соратников, и всех, кто посмеет не исполнять боевых приказов в те минуты, когда решается вопрос существования Отечества, свободы и революции.

Я не остановлюсь ни перед чем во имя спасения Родины от гибели, причиной которой является подлое поведение предателей, изменников и трусов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах и батареях.

Генерал Корнилов».

Корнилов ищет и находит пути для наведения порядка на фронте. Из юнкеров создаются особые отряды, целые батальоны для борьбы с дезертирством и мародерством. Пустеют учебные классы двух Киевских и Одесского военных училищ, Сергиевского артиллерийского училища в Одессе, пяти школ прапорщиков в Киеве, двух одесских школ прапорщиков, Чугуевского военного училища, Житомирской школы прапорщиков... Юнкера перекрывают железнодорожные узлы, порой схватки с группами дезертиров, ушедших из своих полков с оружием, доходили до перестрелок.

Корнилов требует от Временного правительства, которое он «бомбардирует» телеграммами, немедленного восстановления смертной казни на фронте, отмененной правительственным указом от 12 марта 1917 года. Он требует «учредить военно-полевые суды на театре военных действий». При этом генерал ссылается на один из пунктов «Декларации прав солдата»:

«...В боевой обстановке начальник имеет право под свою личную ответственность применять все меры против не исполняющих его приказаний подчиненных, до вооруженной силы включительно».

Такую личную ответственность и взял на себя главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Корнилов.

Он восстановил стабильность фронта, но уже на новых позициях. Его войска, оставив к 21 июля Галицию и Буковину, вернулись на линию государственной границы России, с которой русская армия в 1914 году начинала войну.

Первая телеграмма Временному правительству о введении жестких мер на фронте осталась без ответа. В Петрограде после ее прочтения «временные» министры пребывали в полной растерянности. Не получив ответа от правительства, Корнилов приказал в случае самовольного ухода войск с позиций не колеблясь применять «огонь пулеметов и артиллерии».

После долгих колебаний и совещаний военный министр-социалист Керенский одобрил все предпринимаемые генералом Корниловым меры по наведению порядка на фронте. Но одобрение жестких мер последовало только 9 июля.

Многие корниловские телеграммы, посылавшиеся из фронтового штаба в городе Бердичеве, широко публиковались на страницах российской прессы, прежде всего в издававшихся в столице газетах. Так, газета «Русское слово» в номере от 12 июля 1917 года напечатала такую нашумевшую телеграмму за подписью Лавра Георгиевича:

«...Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит.

На полях, которые нельзя даже назвать полями сражений, царят сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования...

...Меры кротости правительственной, расшатывая необходимую в армии дисциплину, стихийно вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдержанных масс, и стихия эта проявляется в буйствах, насилиях, грабежах, убийствах...

Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценою гибели немногих изменников, предателей и трусов.

Генерал Корнилов».

В корниловских посланиях Временному правительству звучали не только призывы к ужесточению воинского порядка и

применения в исключительных случаях крайних мер. Он писал и о другом, что считал особенно важным:

«Я заявляю, что Отечество гибнет, а потому, хотя и не спрошенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах для сохранения и спасения армии и для ее реорганизации на началах строгой дисциплины, дабы не жертвовать жизнью немногих героев, имеющих право видеть лучшие дни.

Сообщаю вам, стоящим у кормила власти, что Родина действительно накануне безвозвратной гибели, что время слов, увещеваний и пожеланий прошло, что необходима государственно-революционная власть.

Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мной мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению защиты Родины и Свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия командующего».

Как же Временное правительство относилось к требованиям Корнилова, стоявшего во главе Ставки? Ответ на это дает Керенский:

«Борьба правительства с Корниловым выразилась, так сказать, в пассивной обороне и выражалась в том, что ему и его сторонникам не удавалось сделать ни шагу дальше тех пределов, которые ставились Временным правительством. И все попытки провести в жизнь свои требования, пользуясь Временным правительством, как средством, кончались полной неудачей. Временное правительство исполняло волю всего народа, как она выражалась в соглашении тех политических организаций, которые посылали своих представителей в состав Временного правительства и заставить его уклониться от этой общенародной программы, и действовать в интересах только части народа можно было, только сбросив его, что не удалось 27 августа и случилось 25 октября...»

В своих требованиях к Временному правительству принять самые жесткие меры к наведению порядка в русской армии Лавр Георгиевич получил поддержку от двух влиятельных лиц в новой России. Одним из них был Верховный главнокомандующий генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусиллов. Ему, как говорится, «сам Бог велел», пришлось заботиться о

поддержании дисциплины и боеспособности войск с первого же дня своего прибытия в могилевскую Ставку. Потом в своих мемуарах Брусилов будет «отмазываться» от введения на фронте смертной казни. Он не хотел, чтобы его ставили «рядом» с контрреволюционером Корниловым.

Вторым был лидер российских террористов Борис Савинков.

Савинков с 1903 года руководил «Боевой организацией эсеров». Лично участвовал в ряде громких террористических актов: убийстве министра внутренних дел В.К. Плеве, великого князя Сергея Александровича Романова. В 1911 году ему пришлось бежать из России. В Первую мировую войну он вступил добровольцем во французскую армию. После Февральской революции вернулся в Россию. Сперва был комиссаром Временного правительства при Ставке, затем политическим комиссаром Юго-Западного фронта

Савинков участвовал и в контрреволюционном выступлении Керенского — Краснова. После этого прибыл на Дон, но к активному участию в формировании белой Добровольческой армии Алексеевым и Корниловым допущен не был. Сформировал на Дону четыре террористические дружины. В феврале 1918 года организовал в Москве «Союз защиты родины и свободы» и осуществил ряд вооруженных выступлений против советской власти. В 1921—1923 годах из-за границы руководил шпионской и диверсионной деятельностью против СССР. После ареста в ходе блестяще проведенной чекистами операции «Трест» в августе 1924 года был приговорен к расстрелу, замененному лишением свободы на 10 лет. В мае следующего года в тюрьме покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна.

...Более того, энергичный генерал-фронтовик Корнилов произвел на экс-террориста Савинкова, ставшего главным политическим комиссаром, впечатление сильной личности. Однако единомышленниками в полном смысле этого слова они не стали.

Примером крайнего «нравственного» состояния отступавших войск и действиях нового главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта по наведению жесткими мерами воинского порядка свидетельствует следующий случай. Он был для лета 1917 года особо показательным, если не считать чрез-

вычайного происшествия в 6-й Гренадерской дивизии генерал-майора Р.И. Дубинина. 4 июля толпой взбунтовавшихся солдат был убит командир 22-го гренадерского Суворовского полка подполковник Рыков, уговаривавший своих подчиненных идти на позицию, в окопы.

В тылу взбунтовалась отведенная в армейский резерв 46-я пехотная дивизия (до войны она дислоцировалась и пополнялась в городах Ярославль, Рыбинск, Кострома и Шуя), в особенности ее 181-й Остроленкский полк, история которого начиналась с петровских времен, с 1720 года. В воспоминаниях очевидца те события описываются так:

«Ближайшие... дни прошли спокойно, в обычных работах по устройству позиции. Немцы вели себя тихо и никаких поползновений к дальнейшим активным действиям не проявляли. Большой неожиданностью для всех нас было известие об открытии нового фронта в нашем тылу. Известие это привезли из обоза второго разряда.

Оказалось, что отказавшаяся исполнять приказание (46-я пехотная) дивизия, расположенная в трех деревнях, ни на какие уговоры и увещевания не поддавалась. Остроленкский полк, из которого офицерам удалось уйти, избрал новый командный состав и выставил самые разнообразные требования, вплоть до заключения мира.

Начальство решило принять все зависящие меры для их укрощения и перестало поставлять им провиант. После уничтожения всех запасов они начали грабить население и организовали целые отряды, которые захватывали проходящие мимо обозы чужих частей. Таким образом, всем повозкам, подвозящим что-либо частям, находящимся на позициях, приходилось издали объезжать район, занятый мятежниками. Вскоре, однако, и эта мера оказалась недействительной...

Неизвестно, как долго бы еще нянчился с бунтовщиками Керенский, но, на счастье, в это время главнокомандующим был назначен Корнилов, который сразу же отдал приказ о введении смертной казни в прифронтовой полосе. Блеснул луч надежды на то, что еще не все пропало. Вслед за этим приказом был получен еще один — о необходимости вести занятия с солдатами на тех участках, где это позволяет боевая обстановка».

Из Остроленкского полка офицеры ушли так. Захватив полковое знамя, 60 офицеров и 12 унтер-офицеров ушли в окопы и заняли на передовой позицию, которую должны были держать полторы тысячи штыков пехотной части. Митинговавшая пехотная часть в это время принимала резолюцию с отказом занять отведенный ей участок фронта. В трех других полках 46-й дивизии офицеры были задержаны по решению солдатских комитетов.

В тот день пехотный Остроленкский полк находился не в полном составе. Ранее несколько его рот находились на позиции во временном подчинении командира 8-й Финляндской стрелковой дивизии генерал-майора Бредова. В бунте эта часть полка не участвовала.

Корнилов после получения первого же сообщения о том, что взбунтовалась целая пехотная дивизия, сразу же принял экстренные меры к локализации ее от других войск. Место тылового расквартирования четырех пехотных полков: 181-го Остроленкского, 182-го Гроховского, 183-го Пултусского и 184-го Варшавского было охвачено кольцом кавалерийских дозоров силой почти в конную дивизию. Это были 29-й и 33-й Донские казачьи полки и 15-й Сандомирский пограничный конный полк, которые отличались образцовой дисциплиной.

Одновременно генерал Корнилов приказал на крайний случай сформировать сводную артиллерийскую батарею. Собственно говоря, она и решила главную — огневую задачу подавления солдатского бунта (или восстания) в 181-м пехотном Остроленкском полку. Всего батарея из шести полевых орудий выпустила 84 артиллерийских снаряда. Среди солдат этого полка было убито 48 человек, а 106 получили осколочные ранения.

Газета «Киевская мысль» в номере от 5 августа 1917 года так описала действия этой сводной артиллерийской батареи в карательной экспедиции против 46-й пехотной дивизии:

«В 10 часов утра по роще была открыта стрельба очередями (залпами. — *А.Ш.*) на высоких разрывах. Стрельба велась следующим образом: после первой очереди пауза в 20 минут, потом сразу две очереди и опять пауза в 20 минут, затем с небольшими перерывами еще девять очередей. По сведениям, поступившим позднее, ...-цы после первой очереди пытались

собрать митинг, но следующая очередь его разогнала. После третьей попытки они хотели скрыться в большой лес, расположенный южнее деревни Мильно, но были немедленно остановлены заградительным пулеметным огнем со стороны пулеметчиков ...-ского полка...

После двадцатой шрапнели ...-цы сдались. Всех арестованных собрали в одно место и около 2 часов дня послали ультиматум в ...-ский и ...-ский полки с требованием построиться без оружия. Требование было немедленно исполнено...»

Участник той карательной экспедиции штабс-капитан Э. Гиацинтов, командовавший сводной артиллерийской батареей, описывает картину подавления бунта 181-го пехотного Остроленковского полка несколько иначе:

«Командир отряда просил меня действовать решительно, не стрелять на высоких разрывах, так как такое запугивание совершенно не ведет к цели. План подавления мятежа был таков: конница к рассвету должна закончить окружение тесным кольцом Остроленковского полка, расположенного в небольшой роще. Батарея с рассветом открывает огонь по роще и ведет его до тех пор, пока мятежники не выйдут оттуда без оружия. Остроленковский полк был избран как наиболее отличившийся за эти дни бесчинствами...

Перед рассветом я в сопровождении молодого казачьего офицера выехал на рекогносцировку позиции. Мы подъехали почти вплотную к самой роще, не встретив никакого охранения. Это ясно показывало на то, что солдаты в полной мере наслаждались плодами достигнутой свободы, а кроме того, совершенно не боялись возможного наказания и не верили в решительные действия правительства, которыми им угрожали столько раз...

Выбрав открытую позицию приблизительно в версте от рощи, я послал донесение командиру отряда и приказание старшему офицеру на рысях вести батарею. Светало. В роще не было заметно никакого шевеления. На лугу перед рощей мирно паслись спутанные лошади мятежного полка. Когда подошла батарея, было совсем светло. Указав каждому орудию точку наводки, я приготовился к открытию огня. Минут через десять к позиции подъехал полковник Топилин в сопровождении сотни казаков и эскадрона кавалерии. Я доло-

жил ему, что все готово. Мятежники нас еще не заметили и продолжали спать мирным сном. Было 5 часов 20 минут, когда полковник Топилин приказал мне открыть огонь.

Подавая команды, я наблюдал за солдатами. Они работали, как на учении, только лица у всех крайне напряженные. Я командовал правому орудию — огонь... Разрывы пришлось по палаткам. В один миг вся роща ожила. Суматоха поднялась невероятная: кто хватался за винтовку, кто просто под влиянием панического ужаса метался от одного дерева к другому без всякого толку... Из рощи начали доноситься ружейные выстрелы. В одном месте затарахтел пулемет. Над нами засвистели пули...

Минут через пять после открытия огня полковник Топилин приказал мне прекратить огонь... Бунтовщики стали собираться в кучки... Вскоре ясно обозначились две толпы, над которыми на каких-то возвышениях появились ораторы. Как видно, начались митинги... Десять минут, данных на размышление, истекли. Шесть орудийных выстрелов слились в один, и район митингов окутался дымом и пылью... Только после седьмой очереди перед рощей появились первые выбежавшие без оружия. Я моментально командовал батарею — «стой».

Через минуту все поле было усеяно бегущими без оружия бунтовщиками. Со всех сторон на них галопом шла кавалерия и стала собирать их и строить в колонну. Из ближайшей деревни по направлению к роще на рысях выехал санитарный обоз... Полковник Топилин послал в деревни, в которых расположились другие полки... дивизии, приказание всем полкам немедленно выстроиться на окраине деревни без оружия. В случае неисполнения этого приказа они предупреждались, что с ними будет поступлено так же, как с Остроленским полком...

Солдаты Остроленского полка стояли, построенные в две шеренги. Командир отряда командовал «смирно»... Вид у мятежников был очень испуганный и жалкий... Выехав перед серединой фронта, полковник Топилин приказал в течение трех минут выдать зачинщиков. Фронт зашевелился, послышались выкрики, и через минуту перед фронтом стояло уже человек пятнадцать, вытолкнутых руками своих товарищей. Их сейчас же окружил взвод казаков и отвел в сторону. Среди за-

чинщиков не оказалось выбранного командира полка, так как он был убит одним из первых выстрелов».

События карательной акции в сводке о настроениях в армиях Юго-Западного фронта, которая была направлена из корниловского штаба в Могилев, в Ставку описывались крайне лаконично:

«В 46-й дивизии полки отказались выполнять боевые приказания, а затем Гроховский и Пултусский полки повиновались и выдали главных зачинщиков, к другим двум полкам было применено вооруженное воздействие. После обстрела части сдались, главные виновники выделены и преданы военно-полевому суду».

Началось следствие по чрезвычайному для русской армии делу. Первоначально в соответствии с распоряжением Временного правительства был учрежден Военно-революционный суд 46-й пехотной дивизии под председательством штабс-капитана Попова. Число арестованных только в Остроленкском полку доходило до 700 человек, к суду, однако, привлечено было 69 человек.

29 июля из 24 подсудимых 184-го Варшавского полка трое были приговорены к смертной казни, 8 — к бессрочной каторге, 13 — к 15-ти, а 1 — к 20-ти годам каторжных работ. А тремя днями ранее был расстрелян «за преступную деятельность» рядовой того же полка П.П. Удальцов.

Вскоре тем не менее выяснилось, что совершенные преступления не подлежат компетенции Военно-революционных судов, так как приказ об их создании был получен начальником 46-й дивизии генерал-майором В.Н. Шокоровым лишь 17 июля утром. Поэтому дела были переданы в Соединенный суд корпусов Особой армии для рассмотрения в ускоренном порядке.

Осужденные ранее к смертной казни военнослужащие 184-го пехотного Варшавского полка — П. Емельянов, П. Кошаченков и М. Кук по ходатайству комиссара Верховного главнокомандующего М.М. Филоненко были помилованы.

Судьба начальника карательного отряда по подавлению бунта в 46-й пехотной дивизии полковника В.И. Топилина — командира 29-го Донского казачьего полка была такова. С началом Гражданской войны он, естественно, оказался в белом

стане. В середине октября 1920 года в результате рейда 5-й кавалерийской дивизии красных по тылам врангелевской русской армии генерал-майор Топилин был захвачен в плен на станции Большой Токмак, а затем «зарублен на дороге» при возвращении красной конницы.

Штабс-капитан Гиацинтов, командовавший артиллерийским расстрелом мятежного 181-го пехотного Остроленковского полка, тоже станет белогвардейским офицером. Он, между прочим, даже служа в команде бронепоезда «Корнилов», до своих последних дней продолжал называть Лавра Георгиевича Корнилова не иначе, как только «красный генерал». За то, что тот изменил присяге на верность «Богу, царю и Отечеству», встал на сторону Временного правительства и руководил арестом в Царском Селе императрицы Александры Федоровны...

Многие исследователи Первой мировой войны и биографы Л.Г. Корнилова отказывают ему в несомненных полководческих дарованиях. При этом обычно ссылаются на мемуары А.А. Брусилова, написанные уже в советское время. Думается, что такая оценка личности будущего военного вождя Белого движения далека от истины и объективности. Причин тому видится четыре:

Во-первых, генерал Л.Г. Корнилов принял под свое командование армии Юго-Западного фронта тогда, когда они оказались в водовороте неорганизованного отхода, который на деле являлся отступлением немалой части войск огромного фронта.

Во-вторых, новый главнокомандующий сразу же увидел выход из создавшей критической ситуации и стремительно надвигавшейся катастрофы. Проявив волю и высокие организаторские способности, пойдя на крайние меры, он сохранил прежде всего 11-ю армию как боевую единицу. И, энергичными мерами наведя порядок в тылу, остановил отступление фронта.

В-третьих, определенный Корниловым конечный рубеж отхода армий фронта стал в последующем рубежом стабилизации общего положения на Русском фронте Первой мировой войны.

И, наконец, в-четвертых, после неудачной атаки германской Южной армии генерал-полковника графа Феликса фон Ботмера, главнокомандующий Юго-Восточным фронтом от-

дал приказ своим армиям о подготовке контрнаступления. То есть Корнилов был сторонником активного ведения войны и не уповал на оборонительную стратегию.

Кайзеровскую Германию в конце лета 1917 года можно было поздравить действительно с большой победой на Восточном фронте. Пользуясь пассивностью союзных войск на Западном (или французском) фронте, германское командование перебросило с запада на восток 13 немецких и 3 австро-венгерские дивизии, то есть почти удвоило свои силы на участке намеченного удара. События в позиционной полосе русского Юго-Западного фронта развивались следующим образом.

Германцы и австрийцы, перейдя в контрнаступление, главный удар нанесли вдоль железной дороги Львов — Тарнополь. Русские войска, почти не оказывая сопротивления, массами снимались с позиций и уходили в тыл. Искусственно созданный наступательный порыв русских солдат сменился сознанием бессмысленности наступления. Отход войск Юго-Западного фронта прекратился на рубеже Броды — Збараж — река Збруч, то есть значительно севернее той линии, которую фронт занимал до начала июньского наступления.

Среди отступающих были соединения, которые не потеряли боеспособности. В их числе оказался Сводный конный корпус генерала барона П.Н. Врангеля, состоявший из 7-й кавалерийской и 3-й Кавказской казачьей дивизий. Корпус удачно вел арьергардные бои на стыке 7-й и 8-й армий. Когда конные полки отошли за реку Збруч у города Каменец-Подольска, в корпусной штаб из штаба фронта на имя генерала Врангеля пришла телеграмма:

«Прошу принять лично и передать всем офицерам, казакам и солдатам Сводного конного корпуса, особенно же Кинбурнским драгунам и донцам, мою сердечную благодарность за лихие действия корпуса 12 июля, обеспечившие спокойный отход частей на стыке армий.

Корнилов».

Удары русских войск на других фронтах — 5-й армии на Северном фронте и 10-й на Западном — успеха не имели. Наступление российских и союзных румынских войск на ру-

мынском фронте, начавшееся 20 июля, развивалось достаточно успешно. Но из-за неудач на других фронтах, особенно в Галиции и Буковине, наступление на южном фланге Восточного фронта было приостановлено через пять дней после его начала.

Потери русской армии с 1 июля по 3 августа только на Юго-Западном фронте составили 132,5 тысячи человек. Общая численность потерь на всех фронтах составила 150 тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести (в подавляющем большинстве попавшими в плен).

Однако июньское наступление армий России явилось серьезным испытанием для кайзеровской Германии. Германский генерал пехоты Эрих Людендорф в своих мемуарах «Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг.» с известным откровением так оценивал ситуацию лета 1917 года на Восточном фронте:

«Когда теперь я мысленно прикраиваю русские июльские успехи на апрель или май (время наступления англо-французских войск на западе. — *А.Ш.*), то я с трудом себе представляю, как бы Верховное командование вышло из создавшегося положения...»

Людендорф, в 1923 году возглавивший вместе с Адольфом Гитлером «Пивной путч», а затем ставший депутатом рейхстага от Тевтонской национал-социалистической партии свободы, в своих мемуарах «грешил» откровениями, которые никак не могли понравиться ни в Париже, ни в Лондоне. Он четко указывал на одну из главных причин рокового провала вооруженных сил новой России: летнее наступление русской армии не получило развития из-за отсутствия поддержки со стороны союзников по Антанте.

Сказывалось также слабое взаимодействие между русскими фронтами и плохое управление войсками вообще, а также недостаток материально-технических средств и людских резервов. Но главной причиной провала наступления явилось нежелание солдат продолжать войну. Армия России при Временном правительстве была полностью деморализована.

А русские штабисты в те дни мечтали... о германском контрнаступлении: может быть, тогда войска вспомнят, что существует Отечество, которое нужно защищать. Действитель-

но, такой контрудар под Тарнополем немцы нанесли. Что за этим последовало, было сказано выше.

Как же отечественные историки, не обремененные «социальным заказом», оценивали действия Лавра Георгиевича Корнилова на посту главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Пожалуй, лучше других об этом сказал эмигрант А.А. Керсновский в своей «Истории Русской армии». Это был человек, оставивший Отечество в раннем возрасте, не прошедший военной школы, но сохранивший в себе до последних дней любовь к России и осознавший величайший, основной закон войны: военное искусство всегда национально. Будучи «пламенным» монархистом, он искал причины гибели Российской державы и развала русской армии, будучи не способным творить историю в «партийных шорах». О генерале Корнилове и его месте в летописи фронтового 1917 года Керсновский писал следующее:

«Отражением германского нашествия на Збруче закончилась пятая Галицийская битва. Мимолетные лавры Зборова и Галича сменились позором Тарнополя — позором, которого русская армия никогда еще не испытывала и никогда более не испытает.

Но позор этот пал не на толпы обезумелого человеческого стада, а на тех, кто превратил геройские полки России в эти толпы... Шайка интернационалистов из заплombированного вагона делала то, для чего она была нанята германским правительством и германским командованием. Преступление совершили не одни эти маньяки и проходимцы, а и те вожаки «российской демократии», которые поставили эту шайку в наилучшие для нее условия и дали ей возможность беспрепятственно впрыскивать яд в тело и душу России и русского народа....

Июльское наступление сбитый с толку крикливой рекламной обыватель назвал «наступлением Керенского». В действительности, если на фронте в те дни и находился человек, совершенно непричастный к Зборовской и Галичской победам, то это был, конечно, злополучный «главноуговаривающий». Хуже всего было то, что, побывав неделю в войсковых штабах, научившись распознавать чины на погонах и услышав в первый раз в жизни пушечный гром, военный министр Вре-

менного правительства «открыл в себе военный гений», о существовании которого он раньше не подозревал.

Честь победы и заслуга предотвращения окончательного крушения принадлежат по праву тому, кто в дни Галича и Калуша командовал 8-й армией, а в дни Тарнополя возглавил агонизирующий фронт и вернул его к жизни на скалистых берегах Збруча. В неслыханно трудной обстановке держал здесь Корнилов экзамен на полководца и выдержал его. В условиях менее трагичных Гинденбург предпочел подать в отставку...

Окружение Керенского стремилось всячески умалить заслугу Корнилова, усиленно выдвигая «революционного генерала» Черемисова. В своей книге комиссар Северного фронта Станкевич, личный друг Керенского, пишет, например, что «судьба не дала Корнилову возможности доказать свои стратегические таланты» и что «лавры взятия Галича оспаривал у него Черемисов».

Мы знаем, что штаб фронта требовал от 8-й армии только наступления на Рогатин. Если она ударила на Галич, то это произошло исключительно по личной инициативе Корнилова. Черемисов командовал 12-м армейским корпусом, а Галич брал 23-й. Но если бы даже Галич был взят корпусом Черемисова, то этот последний, действуя по указанию своего командующего армией, никак не мог бы «оспаривать лавры» у Корнилова. Если допустить подобную невоенную постановку вопроса, то тогда, в свою очередь, «лавры» у Черемисова мог бы оспаривать ротный командир, первым вступивший в Галич.

Всего за всю наступательную операцию Юго-Западного фронта с 18-го по 30 июля нами было взято в плен 834 офицера, 35 809 нижних чинов, 121 орудие и 99 минометов и бомбометов, 3 огнемета и 403 пулемета. Неприятель потерял не менее 45 000 убитыми и ранеными.

При отступлении из Галиции мы лишились около 20 000 убитыми и ранеными, а пленными 655 офицеров, 41 000 нижних чинов, 257 орудий, 191 миномета и бомбомета и 546 пулеметов...»

Отечественные да и зарубежные военные историки по сей день спорят, был ли в 1917 году генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов полководцем? Или не был им, остано-

вившись на полпути к титулу полководца? Но никто ни тогда, ни сегодня не может отрицать того, что этот русский генерал был военным профессионалом самого высокого класса. Да еще к тому же отличавшийся редкой личной храбростью на поле брани.

Есть ли тому веские доказательства? Безусловно, есть. Да еще какие! «Народный герой» в годы Великой, Отечественной для россиян войны Л.Г. Корнилов имел девять боевых наград. Среди них ордена Святого Георгия 3-й и 4-й степени, Святого Владимира 1-й и 2-й степени и Святого Александра Невского. В годы Первой мировой войны лишь немногие из русского генералитета имели такой впечатляющий «орденский бант».